

INSPIRIA

INSPIRIA

Белла Маки

Как убить свою семью

Серия «Ток. Харизматичный убийца»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68476769
Как убить свою семью: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-177135-5*

Аннотация

Бестселлер SUNDAY TIMES № 1.

Одна из лучших книг по версии Amazon в 2022 году.

Говорят, семью нельзя выбрать. Но ее можно убить...

Вот вам практическое руководство, как убить своих родных и не попасться.

Меня зовут Грейс Бернар. Мне 28 лет, и я – серийная убийца.

Когда я думаю о том, что сделала, мне становится немного грустно. Грустно, что никто никогда не узнает, какой хитроумный план я провернула. Конечно, мир содрогнулся бы в ужасе! Им не понять, как юная девушка может спокойно убить нескольких членов своей семьи... а потом счастливо прожить остаток дней, ни о чем не сожалея. У меня это получилось. Ну, почти. По иронии судьбы я сижу в тюрьме за убийство, которого не совершала. Полный бред!

А все началось с моего отца. Он бросил нас с мамой, когда я еще не родилась. Испугался за свою репутацию начинающего

бизнесмена. Это можно было бы простить. Но когда он позволил моей матери умереть – Саймон Артемис подписал себе смертный приговор. И всей своей семейке заодно.

В моем списке было семь имен. Шесть из них я уже вычеркнула. Осталось только одно. Моя заветная цель. Папочка, дорогой, я иду за тобой.

Возмутительно смешной и мрачный триллер о хитрой и расчетливой психопатке, одержимой жадной мести.

«Я обожаю эту книгу». – Ричард Осман, автор бестселлера «Клуб убийств по четвергам»

«Антигероиня, способная вмиг обыграть главных злодеев-мужчин, таких как Патрик Бейтман». – Observer

«Пугающе, но в то же время смешно до слез. Еще один потрясающий дебют». – Sunday Telegraph

«Я изо всех сил старалась вернуться к чтению после долгой паузы. Это оказалось тем, что мне нужно. Забавная, крутая, циничная и извращенная, Грейс – героиня, за которую я болела, хоть она совершала самые жуткие поступки». – Джоджо Мойес, автор бестселлеров Amazon

«Веселый и мрачный». – ELLE

«Смешно, яростно и странно воодушевляюще. Грейс – жесткая и соблазнительная антигероиня с острым взглядом на социальные проблемы, – даже в самых ужасных ее поступках вы не перестанете болеть за нее». – Пандора Сайкс, британская журналистка и писательница

«Восхитительно затягивает... блестяще написано». – i Paper

«Забавное, затягивающее чтение о семейных проблемах и одержимости СМИ убийствами». – Sunday Times Style

Содержание

Предисловие	7
Глава первая	13
Глава вторая	54
Глава третья	59
Глава четвертая	72
Глава пятая	87
Глава шестая	122
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Белла Маки

Как убить свою семью

Папе, за сотни сказок про убийства на сон грядущий.

*Маме, за сотни сказок про волшебство.
Обещаю никогда вас не убивать*

Пусть женщина умрет во мне.

*Пусть буду
Я лютою жестокостью полна.
Сгустите кровь мою.*

Уильям Шекспир. Макбет¹

Bella Mackie

HOW TO KILL YOUR FAMILY

© Bella Mackie 2021

© Новикова П.С., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

Предисловие

Тюрьма Лаймхаус, как вы можете себе представить, отвратительное место. Хотя, нет, не можете. Здесь нет ни игровых приставок, ни телевизоров с плоским экраном, несмотря на то что пишут газеты. Нет дружеской коммуны или сестринства – тут обычно царит хаос, заключенные орут, и все время кажется, что вот-вот вспыхнет драка. С самого начала я старалась не высовываться. Я остаюсь в камере в промежутках между приемами пищи, которую с натяжкой можно назвать перевариваемой. И стараюсь избегать мою соседку по комнате – ей нравится называть себя именно так.

Келли из тех, кто любит «поболтать». Когда я здесь только появилась четырнадцать месяцев назад, она присела на мою койку, сжала мое колено рукой с длиннющими ногтями и сказала, что в курсе моего дела и считает его удивительным. Такая похвала была приятным сюрпризом, учитывая мои ожидания: приближаясь к воротам этого убогого места, я ждала жестоких побоев. Вот она, невинная овечка, которая черпала все свои знания о тюрьме из низкобюджетных сериалов по ящику. После нашего знакомства Келли решила, что я ее новая лучшая подружка и, что еще хуже, не просто сокамерница, а подарок судьбы. За завтраком она подбегает ко мне, берет за руки и шепчет так, будто мы ведем тайную беседу. Я слышала, как она театрально намекала другим за-

ключенным, что я призналась ей во всех подробностях своего преступления. Ей хочется поддержки и уважения со стороны девочек в колонии – если кто-то и может ее этим обеспечить, то убийца Мортон. Это *чрезвычайно* утомительно.

Хоть я и говорю, что Келли в курсе деталей моего преступления, это несколько умаляет совершенное мной. Для меня само это слово звучит убого, неизящно и банально. Шоплифтинг² – *преступление*. Разгоняясь до тридцати пяти миль в час вместо положенных двадцати, чтобы выпить теплый латте перед очередным скучным днем в офисе, вы совершаете *преступление*. Я же сделала кое-что посерьезнее: задумала и осуществила сложный и тщательно продуманный план, начало которого было положено задолго до неприятных обстоятельств моего рождения. Учитывая, что мне практически нечем заняться в этой уродливой и скучной клетке (заблуждающийся психолог посоветовал мне посетить урок художественной декламации, и я была ужасно довольна, когда одного моего выражения лица хватило, чтобы она больше никогда такого не предлагала), я решила рассказать свою историю. Это непростая задача, раз у меня нет привычного ноутбука.

Недавно мой адвокат обнаружил брезжащий свет в конце этого туннеля, и я решила отмечать время, поведенное здесь, и делать записи. Визит в столовую позволил заполучить тонкий блокнот и исписанную шариковую ручку – уда-

² Шоплифтинг – магазинная кража (англ. shoplifting).

лось сэкономить пять фунтов на еженедельных расходах из пятнадцати с половиной. Забудьте о журнальных статьях, в которых советуют не тратиться на кофе с собой. Если вы действительно хотите научиться правильно планировать бюджет, проведите недельку-другую в Лаймхаусе. Писать может быть бессмысленно, но я должна что-то сделать, чтобы облегчить отупляющую скуку этого места. Надеюсь, если будет видно, что я занята, Келли и ее неиссякаемая группка «леды» (она настаивает на таком названии) перестанут спрашивать, не хочу ли я посмотреть с ними реалити-шоу в комнате отдыха. «Извини, Келли, – скажу я, – пишу важные заметки по делу для своей апелляции, давай поговорим позже». Ей только намекни на сочную байку из жизни, как она поднесет палец к губам и удалится, как настоящая заговорщица.

Конечно, моя история не для Келли. Сомневаюсь, что у нее хватит ума понять причины моего поведения. Эта история принадлежит только мне, хотя читатели наверняка проглотили бы ее, если б я решилась на публикацию, – не то чтобы у меня есть возможность. Но приятно знать, что люди все же покопались бы. Это был бы бестселлер, и народ толпами устремился бы в магазины, надеясь больше узнать о привлекательной и печальной девушке, которая совершила такой страшный поступок.

Газеты уже несколько месяцев пишут обо мне статейки, и общественность, кажется, не устает слушать двуличных психологов, готовых поставить диагноз на расстоянии, или

тех, кто, в противовес мозгоправам, от возмущения защищают меня в «Твиттере». Публика настолько увлечена мной, что готова смотреть сырую документалку на Пятом канале, где толстый астролог объясняет, что было предсказано моим знаком зодиака. Только вот он даже не смог его правильно определить.

Так что я знаю, люди поверят моим словам. Без всяких комментариев с моей стороны это дело уже приобрело дурную славу. По иронии судьбы никто не знает о моих настоящих преступлениях. Система правосудия в этой стране больше похожа на несмешную шутку, и лучше всего это иллюстрирует предложение: я убила несколько человек (некоторых жестоко, некоторых гуманно), и все же мотаю срок за убийство, которое *не* совершала.

Если о совершенных мной преступлениях станет известно, гарантирую, меня запомнят на десятилетия, возможно, даже на века – при условии, что человечество столько протянет. Доктор Криппен, Фред Уэст, Тед Банди, Лиззи Борден³ и я, Грейс Бернارد. На самом деле это меня немного не устраивает. Я не дилетантка и не слабоумная. Я из тех, на кого вы смотрите восхищенно, заметив на улице. Возможно, поэтому Келли держится за меня, вместо того чтобы выбивать последние жизненные силы, как ожидалось. Даже здесь

³ Доктор Криппен – фигурант одного из самых громких дел XX века, убил свою жену; Фред Уэст – британский серийный убийца; Тед Банди – серийный убийца, насильник; Лиззи Борден – фигурантка дела об убийстве ее отца и мачехи, впоследствии оправданная.

я сохраняю определенную элегантность и хладнокровие, чего отчаянно хотят лишиться меня те, кто слабее.

Говорят, мне пришла куча писем с восхищениями и признаниями в любви, вопросов, откуда то платье, которое я надела в первый день суда («Роксанда», если вам интересно. К сожалению, чертова жена премьер-министра надела что-то очень похожее буквально через месяц). Иногда ненавижу почту. Порой приходит полный бред. Например, один тип думает, что я отправляю ему сообщения по воздуху. Похоже, люди и правда хотят меня узнать, произвести впечатление, подражать, и если не моим действиям, то хотя бы выбору одежды. Это не имеет значения, поскольку я никогда ничего не читаю. Мой адвокат собирает и уносит всю писанину. На самом деле меня не интересует, что обо мне думают незнакомцы, готовые взять ручку и строчить письма в тюрьму.

Пожалуй, я слишком добра к широкой публике, приписывая им более сложный набор эмоций, чем они того заслуживают. Может быть, причину такого долгого и неистового интереса к моему делу лучше всего свалить на бритву Оккама – теорию, что самый простой ответ обычно является правильным. В этом случае мое имя еще долго будет отдаваться эхом даже после моей смерти просто потому, что идея любовного треугольника кажется такой драматичной и грязной. Прозаично, не так ли? Но когда я думаю о том, что *на самом деле* совершила, мне становится грустно. Никто и никогда не узнает о сложности той операции. Само собой, намного

лучше, если это сойдет мне с рук, но, возможно, после моей смерти кто-нибудь откроет старый сейф и найдет это признание. Все вздрогнут. В конце концов, почти никто в мире не сможет понять, как кто-то в нежном двадцативосьмилетнем возрасте смог спокойно убить шестерых членов своей семьи, а затем счастливо прожить остаток жизни, ни о чем не сожалея.

Глава первая

Я схожу с самолета, встречая порыв горячего воздуха, от которого британцы всегда драматично восклицают в теплых краях и вспоминают, что большая часть мира наслаждается климатом, в котором холод сменяет не только серость. Искусство быстрого перемещения по аэропортам я освоила давно. Сегодня это особенно актуально – хочу избежать встречи с человеком, неудачно оказавшимся рядом со мной в самолете. Амир представился, как только я пристегнула ремень безопасности. На вид ему было за тридцать, одет в рубашку, которая обтягивала его мышцы на груди почти как в комиксах, и он необъяснимым образом сочетал ее с блестящими спортивными брюками. Худшей частью его наряда, вишенкой во всей этой мешанине, была пара шлепок «Гуччи» для бассейна, да еще и с носками того же цвета. Боже. Я хотела попросить бортпроводницу пересадить меня, но нигде ее не нашла, и когда самолет начал взлетать, я уже была зажата между нарядным мачо и окном.

Амир, как и я, направлялся в Пуэрто-Банус⁴, хотя я бы никогда ему об этом не сказала. Ему было 38 лет, занимался чем-то, связанным с ночными клубами, и любил «отрываться». Я закрыла глаза, пока он ностальгировал по своей жиз-

⁴ *Пуэрто-Банус*, иначе Пуэрто-Хосе Банус, – курортный город в Испании. Считается одним из самых фешенебельных районов Андалусии.

ни в Марбелье и сетовал на проблемы переезда его любимых автомобилей на летний сезон. Несмотря на весь мой нерасполагающий к общению вид, тип не унимался, заставив меня наконец поддержать разговор. Я сказала, что собираюсь навестить лучшую подругу. Нет, она жила не в самом Пуэрто-Банусе, а дальше, вглубь страны, и мы вряд ли рискнули бы отправиться в город, чтобы исследовать прелести ночного клуба «Блеск».

– Нужна машина? – спросил громила. – Я мог бы подогнать тебе лютую тачку, просто дай мне знать, и я подберу хорошенький «мерс» на каникулы.

Я как можно вежливее отказалась, прежде чем решительно заявить о намерении проработать вплоть до посадки. Когда мы приземлялись, Амир не упустил возможности и напомнил мне закрыть ноутбук. Вновь меня втянули в разговор. Но я помнила, что нужно быть осторожной: не упоминать свое имя и информацию о себе. Этот повышенный интерес бесил, ведь я специально надела черные брюки, рубашку и не нанесла макияж, чтобы привлечь как можно меньше внимания. Никаких украшений, никаких лишних акцентов, ничего такого, что могло бы заинтересовать окружающих. Я просто девушка, собирающаяся в отпуск в Марбелью, как и многие этим летом.

Все, что Амир мог получить, – совместный перелет, и то не по моей воле. Приходится протискиваться сквозь толпу народа, сверкая улыбкой, в надежде попасть в начало оче-

реди на паспортном контроле и прямо к получению багажа. Зал заполняется людьми, я встаю за колонной и начинаю зализывать в телефон. Несколько минут спустя вижу свою сумку, хватаю ее, прежде чем развернуться и уверенно направиться к выходу. Тут мне приходит в голову одна мысль, от которой я замираю как вкопанная.

Стою, прислонившись к перилам снаружи аэропорта, когда появляется Амир. Его лицо сияет, стоит ему втянуть живот и выпятить грудь.

– Я искал тебя! – начинает он и активно жестикулирует, а я замечаю блестящие золотые часы.

– Да, извини, я очень спешу на обед к своей подруге, но не могла уйти, не попрощавшись.

– Ну что ж, давай сходим куда-нибудь вечерком, дай мне номерок, будем на связи.

Это вообще не вариант, но я должна его задобрить, если хочу получить желаемое.

– У меня новый телефон, Амир, я, хоть убей, не помню номер. Давай, ты дашь мне свой, и я тебе наберу, – улыбаюсь и слегка касаюсь его руки. Сохранив его контакт и отказавшись ехать с ним, машу на прощание.

– Амир! – кричу ему вслед. – Твое предложение насчет машины все еще в силе?

Добираюсь до арендованной квартиры чуть меньше чем за два часа на машине, без каких-либо неприятностей по дороге из аэропорта. Я нашла жилье на «Эйрбиэнби» и договорилась заплатить хозяйке наличными, чтобы не засветить свое имя. Она была не против анонимного бронирования, когда я сказала, что заплачу вдвое больше. Это жутко дорого, особенно в разгар сезона, но у меня отпуск только на неделю, и я очень хочу осуществить свой план, поэтому не жалею на это денег. Крошечная душная квартирка напоминала кабинет косметолога восьмидесятых годов, но с добавлением фарфоровых кукол. Отчаянно хочу увидеть океан, а еще размять ноги, но у меня не так много времени и есть работа, которую нужно сделать.

Я провела свое расследование, насколько это возможно по отношению к двум старым расистам с минимальным интересом к социальным сетям, и у меня есть неплохая идея, где они будут сегодня вечером. Если верить информации на странице Кэтлин в «Фейсбуке»⁵ (у бедняжки открытый аккаунт, к счастью, старики не разбираются в настройках конфиденциальности), похоже, в перерывах от злости на коли-

⁵ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

чество проживающих *испанцев* в Испании, пожилые Артемисы проводят большую часть своего времени, перемещаясь от ресторана «Вилла Бьянка» на набережной до казино «Динеро» за городом. Я зарезервировала там столик на вечер.

Позвольте внести ясность. Я понятия не имею, что делаю. Мне двадцать четыре года, и я уже много лет думаю о том, как лучше всего отомстить за свою мать, а это самый грандиозный шаг на данный момент. Большую часть времени я продвигалась по карьерной лестнице, копила деньги, изучала семью и пыталась сблизиться с ней. Это полезно, но так нудно. Разумеется, ради достижения цели я готова пойти на эти жертвы, но, мой бог, просто невыносимо делать вид, будто мне есть дело до опросов клиентов и всяких необязательных (читайте: обязательных) пьянок по пятницам для укрепления командного духа. Если б я знала, что мне придется пить «Ягер Бомб»⁶ с людьми, которые по своей воле работают в маркетинге, я бы дала себе чуть больше времени для изучения трепанации черепа.

Может быть, именно поэтому я тороплюсь сделать этот шаг, всеми силами пытаюсь доказать себе, что добилась успеха и способна на то, о чем твердила с тринадцати лет. И все же я недостаточно подготовилась. Предполагалось, что к тому времени, когда доберусь до Марбельи, у меня будет четкий план, спланированный маршрут, время и невероятная

⁶ *Jägerbomb* («Ягер Бомб») – «коктейль-бомба», приготовленный путем добавления порции Jägermeister в энергетический напиток.

маскировка. Вместо этого я прячусь в квартире с запахом сдохшего под шкафом хомяка, который чья-то мать вот уже полгода пытается вывести отбеливателем, теряясь в догадках, откуда берется этот ароматец. У меня готов план, но я понятия не имею, смогу ли его осуществить. Еще имеется парик, купленный в магазине косметики в Финсбери-Парке, довольно убедительный при искусственном освещении, но под испанским солнцем он может легко сгореть. Несмотря на тревожность из-за скудной подготовки, меня охватывает азарт. Поправляя парик и накладывая макияж, я чувствую себя так, словно готовлюсь к незабываемому свиданию, а не к убийству своих бабушки и дедушки.

* * *

Вот это драма! Я не собираюсь убивать их сегодня вечером, это было бы глупо. Мне нужно увидеть их, подслушать разговор, не намекнут ли они о своих планах на эту неделю. Надо несколько раз проехать по маршруту до их виллы, и, что важно, забрать обещанную машину у Амира. Это либо признак моей глупости, и следует отложить свои дела, либо это маленький подарок от какого-то неизвестного божества. Проверим!

Я давно решила: Кэтлин и Джереми Артемис будут первыми, кто покинет нас. На то было несколько причин, а главная заключалась в том, что они старые, и их жизнь мало кого

волнует. Старики, которые только и делают, что тратят пенсию и тупеют в своих любимых креслах, на мой взгляд, не лучшая реклама рода человеческого. Это, конечно, здорово, что мы придумали способ жить дольше с помощью медицинского вмешательства и ЗОЖ, но, к большому сожалению, со временем люди становятся оккупантами кровати, постепенно превращаются в старых маразматиков, живущих полумертвым грузом в комнате, где вы хотели устроить кабинет.

Не надо удивляться, я знаю, вы тоже так думаете. Наслаждайтесь своей жизнью и покиньте бранный мир лет в семьдесят. Только зануды хотят дожить до ста лет: единственная награда – безличное и коротенькое письмецо от королевы⁷. Так что фактически я делаю всем большое одолжение. Они старые и ненужные, их существование просто бессмысленно. Вино за обедом, сон, поездка по городским магазинам, чтобы купить безобразные украшения и безвкусные часы. Он играет в гольф, а она колется препаратом, превращающим ее в очень старого младенца. Трата жизни впустую. Это все, прежде чем я расскажу вам, какие они расисты. Да пошло оно – вы таких уже видели. Они живут в Марбелье и при этом не знают ни слова по-испански. Больше объяснений не требуется.

⁷ Королева Елизавета II посылает поздравления британским подданным с Бриллиантовой (60-й), 65-й и Платиновой (70-й) годовщиной свадьбы и с каждой годовщиной после, а также организует послания к 100-летию, 105-летию и каждый последующий день рождения.

Разумеется, риск в этой игре велик. Я не Гарольд Шипман⁸, который весело разгуливает, убивая стариков направо и налево. Мне надо убить только этих двоих, остальные могут спокойно смотреть «Фермы Эммердейл»⁹ и покупать стремные подарки внукам, недовольным их скучными визитами. Технически эти люди – мои бабушка и дедушка, хотя я никогда с ними не встречалась и не получала шоколадки в подарок. Но они *знают* обо мне.

Позвольте объяснить. Очень долго я была не в курсе и думала, что мой отец Саймон успешно держал все в тайне, но Элен, мамина подруга, которая недавно была в Лондоне, за бутылкой вина призналась: еще до ее переезда в Париж она их навестила. Ей казалось, она подвела мою замечательную мамулю, бросив меня. Бедная мертвая Мари. Единственная вещь, которую Элен додумалась сделать, чтобы ослабить чувство вины, – прошерстить интернет. Она нашла лондонский адрес бабушки и дедушки в регистрационной палате. Почти распластавшись на столе, я слушала рассказ Элен и пыталась запомнить до мельчайших деталей.

Конечно, я уже много раз бывала у них дома, еще до того, как они окончательно обосновались в Испании. Я провела несколько часов на улице, наблюдала, выжидала, преследовала их машину с шофером, когда они куда-то выбирались.

⁸ Гарольд Шипман (1946–2004) – британский серийный убийца-врач, орудовавший в пригороде Манчестера Хайде.

⁹ «Ферма Эммердейл» – название британской мыльной оперы.

Но общение с ними было совершенно новым уровнем, и я была одновременно и впечатлена Элен, и зла на то, что она никогда раньше не рассказывала мне об этой встрече.

Элен явно не горела желанием вспоминать о том ужасе. Избегая зрительного контакта, она описывала события по порядку: перед ней захлопнули дверь, как только узнали, кто она такая, но уходить Элен не стала. В конце концов, они позволили ей войти и холодно сообщили, что знают все обо мне и моей «кошмарной» матери.

В ушах зазвенело, я почесала шею, ожидая комка в горле, который норовил подступить в любую секунду. Они знали обо мне с самого начала, объяснила Элен, когда их «бедный» сыночек внезапно появился поздно вечером на пороге дома и, расхаживая по гостиной, признался, что вляпался. В основном говорил Джереми, в то время как Кэтлин неподвижно сидела на диване, потягивая здоровенный джин-тоник. Саймон спросил, как сообщить об этом его жене Джанин, и сказал отцу, что для меня потребуется некоторая финансовая поддержка.

– Значит, он действительно хотел поступить правильно, – заявила Элен почти извиняющимся тоном, допивая вино и теребя волосы.

Я проигнорировала данный комментарий и попросила продолжить. Меня не интересовали жалкие попытки этого человечки успокоить свою совесть.

Джереми с гордостью рассказал Элен, как они с женой

несколько часов пытались вразумить сына. Внушили, что Мари сделала это ради денег, а Джанин никогда не оправится после такого удара.

– Саймон совершил глупую ошибку, как и многие мужчины, – сказал он Элен, – и мне жаль, что этой девочке приходится расти без родителей, но бывает и хуже. Я и сам потерял мать в юном возрасте, но подачек у незнакомцев никогда не просил.

Элен стала ругаться, кричала, что Мари не собиралась водить их сына за нос, ведь даже не знала ни о богатстве, ни о жене. Но они ничего не хотели слышать.

– Эта девчонка пыталась развести моего сына на деньги! – крикнула Кэтлин, внезапно поднимаясь с места. – Если ты думаешь, что дочь твоей подружки снова начнет всю эту чушь, ты не умнее ее матери.

Вот и все. Со слов Элен, которая допила вино и яростно размахивала руками, Кэтлин внезапно начала рыдать и бить мужа в грудь. Он схватил ее за руки и с силой толкнул на диван, прежде чем повернуться к ошеломленной Элен, стоявшей у двери.

– Ты расстроила мою жену и испортила нам вечер. Вымтайся и даже не думай впутывать Саймона. Мы найдем адвокатов, и ты не успеешь опомниться, как превратишься в гребаную бомжиху еще до нашей встречи в суде.

– К тому моменту меня немного трясло, – поведала мне Элен, – он был похож на сумасшедшего. Глаза почти вылез-

ли из орбит, аккуратно причесанные седые волосы растрепались. Но самое странное, его акцент совершенно изменился. Сначала он говорил как настоящий английский джентльмен, но под конец разговора его голос стал грубым и жестким. Он напоминал уличных торгашей из моего родного города. Мне правда жаль. Я пыталась. Надеялась, его родители добрее и отзывчивее. Господи, я думала, они захотят познакомиться со своей прекрасной внучкой! Но нет. Они производят впечатление приличных людей, но на самом же деле, Грейс, они уроды.

Итак, они старые, злобные и занимают драгоценное место в мире. Этого более чем достаточно, чтобы помочь им попасть на тот свет не так приятно, как могла бы уготовить им судьба. Но если быть до конца честной, то это все в основном потому, что они *знали*. Они знали о моей матери. Знали обо мне. Они не просто бездействовали, махнув на нас рукой, а активно промывали своему сыну мозги, обвиняя Мари, Элен, клубы, друзей, которые довели его до такого. Они поливали грязью всех, но не Саймона. Он уклонялся от родительских обязательств, а семья только потворствовала ему. Я думала, они живут своей жизнью, даже не подозревая обо мне и о моей маме. Они хотели, чтобы все было так. В конце концов, именно это и подтолкнуло меня к решению. Они умрут первыми.

Я прихожу в ресторан на пляже в шесть вечера – наверняка дедушка и бабушка ужинают рано, как и большинство пожилых людей. Я попросила место на террасе, но ресторан намного просторнее, чем на фото в интернете. Главное не оказаться слишком далеко от них, иначе не услышу ничего полезного. Заказываю бокал белого вина (люблю вино; Латимеры всегда пили только хорошее; я выбрала приоху) и заставляю себя открыть книгу, которую захватила с собой, чтобы не выглядеть слишком подозрительной. Я выбрала «Графа Монте-Кристо». Возможно, чересчур очевидно, но мне показалось это забавным.

Долго ждать Артемисов не пришлось. Едва дочитав первую страницу, краем глаза улавливаю движение. Два официанта сопровождают четырех пожилых людей мимо бара к террасе. Я замираю, не позволяя себе поднять глаза, и чувствую их приближение. Слышу громкий женский голос: «Нет, не этот стол, Андреас, он же прямо под солнцем. Посади нас вон туда». Они разворачиваются и направляются в другой конец помещения. Да пошла ты к черту, Кэтлин.

Когда они наконец уселись и заказали напитки – это заняло целую вечность из-за жалоб на ветер и метания по меню, – я приступаю к анализу. Увядавшие Артемисы сидят ко мне лицом, их друзья – спиной. У Кэтлин такие кудри, что сама

Джоан Коллинз харкала бы кровью от зависти. Светло-русые волосы уложены безвкусно, но так жестко, что ветер, о котором она так беспокоилась, не посмеет их даже коснуться. Косметолог хорошо поработал над ее лицом – это видно издалека. Глаза искусственно приоткрыты, будто в легком испуге. Скорее всего, это должно было выглядеть кокетливо, но получилось как-то безумно. На ней бежевая туника поверх бежевых брюк, на столе лежит ее огромная сумка от «Шанель». Шея украшена толстой цепочкой. Не могу распознать камень, но предположу, что это совсем не фианит. Я спокойно пялюсь, ведь все они уткнулись в меню. Интересно, есть ли во мне хоть что-то от этой недовольной женщины? Она поднимает руки, складывает их, и я вижу ее ногти. Острые, классического красного цвета. Вот оно что, Кэтлин. Мои пальцы, держащие уже забытую книгу, длинные и тонкие, совсем не такие. Но мои ногти... Мои ногти тоже ярко-красные и острые.

Через несколько минут притворного чтения подзываю официанта и прошу место подальше от палящего солнца. Самое время – парик вот-вот расплавится. Терраса занята, но не полностью, и меня ведут к соседнему от жертв столику. Так-то лучше. Я хочу слышать их разговор. Вряд ли узнаю что-нибудь полезное или интересное – они слишком недалекие, а вот информация об их планах на неделю не помешает. У меня есть всего пять дней – весь отпуск, который я могла себе позволить, – так что времени мало. Заказываю еще

один бокал вина, несколько разных закусок и снова открываю книгу.

Джереми одаривает меня взглядом, который узнает любая женщина. Старый козел меня оценивает, и ни на секунду не задумывается, насколько жалко он выглядит. Я кротко улыбаюсь, отчасти от осознания того, что дедушка разглядывает собственную внучку, но и для того, чтобы убедить его в моей заинтересованности. Момент был прерван официантами, которые принесли еду. Никто не делал заказ, но, увидев блюдо, я не удивилась: стейк и картошка фри для каждого. Должно быть, это единственное, что они едят. Стейк с картошкой фри. Они не ступают на неизведанные территории, не пробуют ничего нового. Они мелочные и отвратительные. И все это вытекает только из стейка. Представьте, что вскрылось бы, взгляни я на их книжные полки. Шучу, у них в доме не будет никаких книг.

Они болтают о друзьях из гольф-клуба, обсуждая какого-то Брайана, который выставил себя дураком на недавнем благотворительном аукционе (бедный Брайан, только подумайте о позоре изгнания пожилым сообществом эмигрантов). Кэтлин и другая женщина, очень похожая на мою бабушку, но с более пышными формами и сумочкой «Шанель» поменьше, переходят к поливанию грязью парикмахера, который слишком долго делал неудачную укладку их подруге в прошлый понедельник. Мое внимание улетучивается. Я хочу узнать все, что только возможно, но, клянусь, эти люди

не облегчают мне задачу!

Еще один бокал вина, или это сорвет миссию по добыче фактов? К черту! Сделав заказ, я ковыряюсь в оставшихся закусках. Возможно, идея взять стейк, как у Артемисов, не так уж плоха. Моя еда абсолютно резиновая и выглядит так, будто ее выращивали на складе у автомагистрали, а не ловили в море. Объекты наблюдения заказали кофе. Кэтлин суетится из-за пятна на клубном галстуке Джереми. Держу пари, он – масон; это прекрасно вписывается в общую картину. Муж толстухи спрашивает, когда они в следующий раз пойдут в казино, и упоминает о приеме в ближайший четверг.

– Да, мы будем там, – резко говорит Джереми, отмахиваясь от протянутой Кэтлин салфетки. – Мы ужинаем с Бересфордами в 7:30, и заскочим туда на обратном пути.

«ГДЕ ТЫ УЖИНАЕШЬ?» – хочется мне закричать, но они не вдаются в подробности. Вместо этого Джереми просит счет, резко подзывая официанта. Второй мужчина за столом хватается за блюдо, как только оно появляется, и кивает в сторону моих бабушки и дедушки: «Позвольте нам оплатить, уверен, сейчас наша очередь – нет, пожалуйста, я настаиваю».

Золотая карточка падает на пол, но Джереми практически не реагирует, вместо этого снова смотрит на меня. На этот раз я отвожу взгляд. Не хочу, чтобы он запомнил мое лицо. Я не волнуюсь. Рискну предположить, он довольно часто разглядывает молоденьких девушек, которые ему во внуки го-

дятся. Возможно, кто-то из них и правда его внучки, если учитывать похождения Саймона.

Когда они уходят, я обращаю внимание на галстук Джереми. Все-таки не масонский. Зелено-желтый рисунок с буквами «КР». Быстрый поиск в Гугл подсказывает мне, что это официальный галстук «Клуба Регентства», частного заведения в Мейфэре, открытого в 1788 году для мужчин королевской крови и просто богачей, которые проводят время без своих жен. Я пытаюсь сдерживать смех. Мне известно, где началась твоя жизнь, Джереми. В двушке на Бетнал-Грин с матерью-швеей и отцом, да и тот свалил черт знает куда еще до того, как тебе исполнилось пять. В интервью Саймон с гордостью рассказывал об этом как о символе упорства вашей семьи и стремления чего-то добиться в этом мире. Вот ты, Джереми, в своем галстуке, воображаешь, что он показывает вашу родословную – ту, которую вы себе купили. Может быть, у кого-то это вызовет восхищение. У меня, например. Я пытаюсь сделать то же самое – выбраться из нищеты, сдвинуть свою жизнь с мертвой точки. Но я тебя знаю. Знаю твою ненависть к корням, какую бы лапшу на уши ты всем ни вешал. Ты увидел это и во мне, а когда твоя кровная родня попросила помочь выбраться из подобной ситуации, ты сбежал, поджав хвост. Элен была права. Ты просто урод, и твои частные клубы и дорогая одежда не очень-то это скрывают. Носи свой галстук. Четверг не за горами.

Я возвращаюсь в свою комнатушку, осматривая на хо-

ду главную набережную Пуэрто-Бануса. В магазинах толпы женщин, которые разглядывают шикарные платья и болтают с подружками. Мимо проходят старшеклассницы, эмоционально обсуждающие свой загар. Интересно, была бы я одной из этих пустышек, если б выросла в семье Артемис? Я читаю книги, слежу за мировыми событиями, могу высказать мнение не только касаясь обуви и клюшек для гольфа. Несомненно, я лучше этих людей. Но они выглядят счастливыми, несмотря на свое невежество. А возможно, *из-за* него. О чем тут беспокоиться? Никто из этих идиотов не думает об изменении климата, их интересует только, как расфуфыриться завтра на яхту. Смотреть на это занимательно, но у меня совсем мало времени. Как только с работой будет покончено, я уже не вернусь на эту детскую площадку сливок общества. Возможно, стоит прикупить сувенир. Я смотрю на витрины и космические цены. У меня нет ни денег, ни желания платить за кафтан с меховыми манжетами, даже ради прикола. А вообще, я уже придумала, каким будет мой сувенирчик, и за него не отдам ни пенни.

На следующий день, после короткой пробежки по пляжу, я еду к их дому. Это большая вилла в охраняемом комплексе, скрытая от простого народа за громадными воротами, рядом с которыми в будке сидит скучающий охранник. Он должен проверять всех посетителей, но меня пропускает без проблем – ему вполне хватает отговорки «Я из бутика, принесла платье для миссис Лайл из восьмого дома». Наверня-

ка в этих особняках куча одиноких, вечно скучающих дам, которые постоянно заказывают новые наряды или маникюрщиц на дом. О семье Артемис я не говорю ни слова. Не хочу, чтобы была очевидная связь, если позже начнут задавать вопросы.

Их дом под номером девять, выглядит почти так же, как и остальные по соседству. Белая штукатурка, терракотовая плитка, ведущая к двери. Пальмы по обе стороны крыльца. Идеальная зеленая лужайка, даже в такую адскую жару. Наверное, запреты на чрезмерный расход воды не действуют, когда живешь вдали от простолюдинов. Я снимаю ногу с педали газа и просто качусь по району, но здесь нет ничего интересного. На этих широких проспектах никого не видно: ни выгульщика собак, ни матерей с колясками. Деньги купили им тишину. К слову, я это ценю. Если вы не жили на центральной улице Лондона, то не мечтаете о переезде в дом, где не слышно ваших соседей – любителей грубого секса и саундтрека мюзикла «Отверженные». Но это спокойствие кажется скучным и унылым, будто созданным для людей, которые хотят жить в другой реальности, не признающей громкости настоящей жизни.

Дом Артемисов совершенно ни о чем мне не говорил. Он был построен для богатых людей, плюющих на дизайн, но по-настоящему ценивших безопасность и статус. Линн и Брайан купили дом в этом комплексе? Ладно, тогда давай купим тот, что еще больше. Вот и все. Никакого намека на

индивидуальность – только продезинфицированное единообразие. Я ухожу в подавленном настроении. Мы же родственники. Неужели я когда-нибудь тоже буду скупать бежевые ковры и найму горничную, над которой буду издеваться? Вообще, горничная – это неплохо, но ее неизбежная депрессия меня бы угнетала. А для Кэтлин это, наверное, приятный бонус – каждый день видеть кого-то несчастнее ее самой.

Из комплекса я направляюсь в казино примерно в тридцати минутах езды по извилистой дороге. Крутой склон с одной стороны ведет к... ущелью? Оврагу? Не знаю. Я выросла на центральной улице и всегда чувствовала себя неудобно на открытых пространствах. Деревеньки сбивают меня с толку, а любое место, куда нужно ехать полчаса или больше, не стоит потраченного времени.

Иногда у меня возникает желание ненадолго *встретиться* с мужчиной (да, я имею в виду секс, не удивляйтесь) или просто потратить часок-другой на бездумное залипание в приложение для знакомств. Я пролистываю лузеров, позирующих на фоне «БМВ», будто это знак их «успешного успеха», а не идиотского вложения денег в аренду машины. Но пошловатая машина и футболка с V-образным вырезом не всегда означают строгое «нет». В конце концов, мне не идти за них замуж. Я даже не утруждаю себя запоминанием их имен. Но есть правило: искать мужчин в пределах двух километров. У меня переменчивое настроение, поэтому ждать их пересадок на Кингс-Кросс или эсэмэсок о закрытии лон-

донской наздемки¹⁰ на капремонт я не собираюсь.

Так что мир испанского пригорода для меня чужд, и, черт возьми, склон ведет в овраг – длинный спуск, покрытый ко­рявыми кустами. К тому же на этом маршруте ни души. Иде­ально. Солнце светит ярко, и теплый ветерок пробегает по моей руке. Я включаю радио, на местной станции крутят Beach Boys. God Only Knows' звучит в маленькой арендован­ной машине, когда я медленно выезжаю на дорогу и направ­ляюсь к казино. Само собой, я не верю в Бога. Мы живем во времена науки и семейства Кардашьян, так что я, пожалуй, на стороне рационалистов. Любой бог, обладающий реаль­ным влиянием, не свел бы меня с этими людьми и не дал бы мне такое предназначение. Так что Бога нет. Но я действи­тельно чувствую, что сегодня кто-то улыбается мне сверху.

Раз уж речь зашла о религии, в Библии есть история (пред­полагаю, ее там нет: я узнала о ней из фильма, и она связана с современными технологиями), которая звучит примерно так: один человек долго и счастливо жил в маленьком доми­ке, пока однажды служба спасения не постучала в его дверь со словами: «Сэр, надвигается шторм, нужно эвакуировать­ся». Человек ответил: «Спасибо, джентльмены, но я религи­озен, у меня есть вера. Бог спасет меня». Люди ушли, а бу­ря все надвигалась. Вода поднялась вокруг дома, и к нему подплыла лодка. «Сэр, – сказал капитан, – пойдете с на-

¹⁰ Система пригородно-городского железнодорожного транспорта в Большом Лондоне и Хартфордшире.

ми, вода прибывает». Но человек снова ответил: «Спасибо, джентльмены, но я религиозен, у меня есть вера. Бог спасет меня». Позже человеку пришлось подняться на крышу, ведь дом уходил под воду. На небе завис вертолет. «Сэр, поднимитесь по этой лестнице, мы сможем доставить вас в безопасное место». Человек отмахнулся: «Спасибо, джентльмены, но я религиозен, у меня есть вера. Бог спасет меня». Позже этот человек утонул. Когда он попал на небеса и встретился с Богом, то спросил: «Отец, у меня была вера. Я верил в тебя, оставался преданным. Почему ты позволил мне утонуть?» И Бог, недоумевая (почему бы и нет, этот человек идиот), сказал: «Дэвид, я послал тебе спасателей, лодку и вертолет. Почему ты здесь?»

Кто-то послал мне туповатого здоровяка Амира с его крутыми тачками, точную дату, когда мои бабушка и дедушка выйдут поздно ночью из дома, и опасную ветряную дорогу. И в отличие от того глупого человека из притчи я намерена извлечь из этого выгоду.

* * *

У меня есть чуть больше тридцати шести часов, прежде чем осуществить задуманное. Я могла бы провести время, наблюдая за этой парочкой, чтобы узнать о них побольше, но они такие неинтересные – это просто того не стоит. Поэтому до конца дня я буду на частном пляже: валяться на шезлонге

с бокалом розового вина, читая книгу о женщине, убившей своего мужа после многих лет газлайтинга¹¹ и эмоционального насилия. С «Графом Монте-Кристо» как-то не клеится – наверное, я принимаю все слишком близко к сердцу. Но все же открываю самый конец книги. Отвратительная привычка, конечно, но моя жутьническая натура получает в награду такую строку: «Вся человеческая мудрость содержится в этих словах: жди и надейся».

Жди и надейся. Я живу с этим девизом со школьной скамьи, и теперь часть моего ожидания подходит к концу. Кладу руки на грудь и пытаюсь понять, не участилось ли сердцебиение. Нет, дышу как обычно, будто сегодня просто еще один день, и я не собираюсь совершить ужасное преступление. Как странно. В голове снова и снова прокручивается план, предвкушение нарастает так, что у меня готов повалить пар из ушей. И все же я лежу на пляже в темных очках, а сердце отказывается меня выдавать и сидит в груди спокойно. Хоть мой разум ведет себя как подросток перед первым свиданием, мое тело готово.

Вечером, перед сном, отправляю Амиру сообщение с нового одноразового мобильного. Так Эдвард Сноуден назвал телефон, который нельзя отследить. Это, может, и чересчур, учитывая, что я не знаю никакие государственные секреты,

¹¹ *Газлайтинг* – форма психологического насилия, главная задача которого – заставить человека сомневаться в адекватности своего восприятия окружающей действительности через постоянные обесценивающие шутки, обвинения и запугивания.

но в любом случае штука полезная. Одна двадцатиминутная поездка в не самую приятную часть Лондона плюс шестьдесят фунтов наличными обеспечили меня причудливой старой раскладушкой. Я сразу закинула деньги на номер, чтобы отправлять сообщения. Телефон не вернется в Англию. Он послужит великой цели в Испании.

Спрашиваю Амира, будет ли он здесь завтра и не сможет ли подогнать мне машину на пару дней. Я сказала, что на ночь еду еще дальше за город и в большом автомобиле буду чувствовать себя в безопасности – и это отчасти правдиво. В самой искусной лжи есть доля правды, так легче придерживаться своей истории и снизить вероятность попасться. Мой друг Джимми врать не умеет: его выдает ухмылка. Это даже мило, но доверить ему секрет невозможно – по лицу все будет видно.

Проснувшись, сразу же проверяю телефон. Как я и предполагала, Амир ответил ранним утром. Грандиозный вечер в «Блеске», полагаю. Я благодарю его за предложение потусоваться и снова напоминаю, что уезжаю сегодня днем. Просто взять у него ключи не прокатит, поэтому предлагаю встретиться в кафе-мороженом на улице Рибера в два часа дня. До обеда сообщений от него точно не будет, если прикинуть, сколько шампанского он мог выпить прошлой ночью. Быстро принимаю душ и, чтобы не выглядеть в глазах Амира привлекательно, надеваю простенький сарафан. Само собой, он не обтягивает и не блестит на солнце. Это практически за-

щитный комбинезон по сравнению с тем, что предпочитают носить местные. Я только приехала, но мне уже кажется, будто смесь блесков, золотых пуговиц и анималистичных принтов является неофициальной униформой. А, ну и накачанные резиновые губы. Из-за них кажется, что у женщин ужасная аллергия на айс-кофе, который они потягивают, валяясь на солнце.

В мои планы не входило возвращаться в эту квартиру, хотя она забронирована до субботы. Возможно, я слишком оптимистична, но нельзя позволять сомнениям закрадываться в этот критический момент. Навожу порядок, бросаю простыни в стиральную машину и протираю пыль. Собираю маленькую сумочку, а затем выкладываю все необходимое до конца дня. В сумку через плечо (это «Гуччи», одна из первых вещей, которую я приобрела, устроившись на новую работу; даже дамы Марбельи были бы впечатлены) кладу свой мобильный, парик, деньги, кеды, фонарик, латексные перчатки, крошечный флакончик духов и коробок спичек. Все остальное идет в маленькую сумочку, включая мой настоящий телефон, паспорт и кредитные карты.

Запираю квартиру и беру ключ – на всякий случай. В приступе паранойи вытираю ручку рукавом и понимаю, что мне нужно сильнее стараться. Если я собираюсь продолжать и не попадаться, быстрое протирание случайных поверхностей не поможет. Ну что ж. Это только подготовка. Я оставила машину в добрых тридцати минутах ходьбы, вдали от суеты на

главной улице. Не хотела светиться на парковке, и это самое близкое место от квартиры, откуда машину не увезли бы на буксире через несколько секунд.

На улице уже адская жара, пот стекает по моей груди и скапливается под лифчиком. Я бросаю сумку под водительское сиденье и проверяю со всех сторон, не видна ли она. Затем возвращаюсь в город, по ошибке сворачивая в сторону моря. После пары часов в кафе, где кофе, кажется, стоит пять евро, я наконец получаю сообщение от Амира:

Привет киска, я аташел после прошлой ночи, ты прпустила просто ПУШКУ! Буду в «Океании» с 3, чтобы павтарить, встретимся тама в 4, выпьем, и я тобой займусь!:)

Его ответ почти заставляет меня передумать. Я не могу общаться со взрослым, который не знает грамматику родного языка, даже по переписке. Это как минимум невоспитанность. Такое прощается подростку, но не взрослому. Конечно, во многом можно винить плохое образование. Моя средняя школа не была Хогвартсом, но я все равно потратила время, чтобы понять, как пишется слово «там». Сомневаюсь, что Амир сделал хотя бы это. Не в первый раз задаюсь вопросом, на чем он зарабатывает так много денег. Вряд ли тут все чисто, но кто я такая, чтобы читать лекции о морали?

Подумываю воспользоваться своей арендованной квартирой, и принимаю приглашение Амира. Мне просто надо быть непреклонной, отказаться от всех предложений выпить

и уехать, как только получу ключи от машины. Фу. Меня тошнит от необходимости полагаться на мужчину (и, что еще хуже, на мужчину, который носит очки с мягкими дужками, как у велосипедистов) в деле, предназначенном мне одной, и больше никому. Но нужно быть реалисткой. Амиру с этого не будет никакой выгоды. Если все пойдет по плану, он ничего не узнает. А если все пойдет наперекосяк, у него будут большие неприятности. От этой мысли становится как-то веселее, и я допиваю свой кофе.

Приезжаю в клуб «Океания» еще до 3 часов. Это громадное здание, дворец праздной фривольности. Похоже, все это – один большой бар, но на стероидах. Подъездная дорожка усеяна спорткарами ярких цветов, с каждым из них разбегаются измученные лакеи в белых пиджаках. На непонятно как припаркованном перед входом «Роллс-Ройсе» виден номер BO55 BO1¹².

На стойке регистрации девушка с загаром, на который солнце не способно, говорит по телефону на эстуарном¹³ английском. В конце концов, она обращает на меня внимание. Могу представить, насколько ее *не* впечатляют мои каштановые волосы и сандалии на плоской подошве. На губах красная помада, неизменно служащая своего рода щитом, но в остальном я выгляжу весьма невзрачно.

¹² Boss boy (англ.) – начальник.

¹³ Эстуарный английский – диалект английского языка, на котором говорят в Юго-Восточной Англии и вдоль реки Темзы.

Мне нравится простота. У меня довольно красивое лицо, и я не чувствую себя высокомерной, говоря это. Женщины всегда пасуют, когда называют себя привлекательными, ведь всю жизнь слышат от мужчин комментарии о «зацикленности на себе». Будьте как можно красивее, но делайте вид, будто вы для этого палец о палец не ударили, и самое главное – никогда не признавайте свою красоту. Бегите прочь от любого мужчины, который говорит: «Ты красивая, просто сама этого не знаешь». Они же будут ждать от вас постоянного секса и безразличия к собственному удовольствию. Я хорошо выгляжу: невысокая, но стройная и пропорциональная; темные волосы, симметричные черты лица, красивые пухлые губы, но не слишком большие. Мне нравится свое отражение, но я не одержима им. Внешность иногда меня выручает, но я не моя мать, которая слишком полагалась на красоту и была вынуждена выкручиваться там, где симпатичной мордашки было недостаточно. Мой внешний вид сильно разочаровывает мужчин в Марбелье, если сравнивать его с павлиньим окрасом местных жительниц. Коко Шанель якобы сказала: прежде чем выходить из дома, нужно снять один аксессуар. Эти девушки скорее выцарапали бы глаза старухе Коко своими нарощенными ногтями, чем последовали б ее совету.

Я сказала мисс Тан, что встречаюсь с Амиром, и выражение ее лица изменилось. Очевидно, он ценный клиент, поскольку меня ведут по мраморным коридорам мимо библиотечного бара, набитого муляжами книг и искусственно со-

старенными вещами. Готова поспорить, этот хлам закупают оптом у поставщика, штампующего такие штучки специально для тех, кто хочет *иметь* антиквариат, но совершенно не парится об истинном происхождении вещей.

Мы выходим наружу, на ослепительное солнце. Все вокруг похоже на тематический парк для взрослых. Есть несколько смежных бассейнов с баром посередине, где люди купаются и наслаждаются коктейлями под соломенными зонтиками. Гремит хаус¹⁴, а официанты вальсируют между шезлонгами, подливая напитки. Некоторые посетители расположились на диванах сразу по несколько человек под навесами, лежа, куря и болтая. Все кроме меня в купальниках, и я не собираюсь к ним присоединиться. У кого-то виднеется цепочка на животе. Украшения для талии придуманы на случай, если у вас не осталось свободного участка тела для демонстрации бриллиантов. Коко Шанель крутится в гробу.

– Мистер Амир пока не пришел, пожалуйста, отдохните и выпейте чего-нибудь.

Меня почти толкают на большой белый шезлонг, где мое одиночество становится еще заметнее. Заказываю тоник – надеюсь, Амир подумает, что я «уже втянулась». Мой новый друг опаздывает *всего* на сорок пять минут, и все это время я наблюдаю за девицами с искусственным загаром, которые приспускают свои крошечные бикини, чтоб загореть силь-

¹⁴ Хаус – стиль электронной музыки, созданный танцевальными диджеями в начале 1980-х годов в Чикаго.

нее, и пялятся на мужиков с бритой грудью и поясными сумками, а те просто рисуются – в основном друг перед другом.

Замечаю Амира, когда он проходит между шезлонгами. Его было бы трудно не заметить в неоновых оранжевых шортах. За ним тянется группка парней. Судя по их виду, единственная цель каждого – как можно больше походить на своего лидера. Со всех сторон появляются официанты, приносят полотенца, бокалы, ведерки со льдом и, как ни странно, кокос.

Амир подходит к моему шезлонгу и смотрит на меня поверх своих солнцезащитных очков.

– Привет, красотка! Это Стиви, Джей-Джей, Фатлад¹⁵, Купер и Найдж, – он жестом указывает на парней. Они равнодушно кивают, заглядываясь на девушек в бикини.

Интересно, почему Фатладу дали такое суровое прозвище, если процент жира в его организме, похоже, и до десяти не дотягивает? Сплошные мышцы – больше, чем должно быть у человека, не занимающегося физическим трудом, и я сильно сомневаюсь, что у Фатлада есть хоть какая-то работа.

Амир хватает кокос и бросает его типу, которого он представил как Найджа. Тот с силой ударяет плодом себе по голове под громкие одобрительные возгласы. Парень пытается снова, и кокос раскалывается. Найдж забирается на шезлонг и поднимает разбитый трофей над головой, пока девушки в бикини и мускулистые парни возбужденно кричат.

¹⁵ Fatlad (Fat lad, *англ.*) – пухляш, жиртрест.

– Это его лучший трюк, – с гордостью заявляет Амир. – Он практиковался восемь лет подряд. Мы пытаемся пропихнуть его на шоу талантов, где собаки показывают фокусы.

Легкая паника разливается по венам от одной мысли, что мне придется полдня наблюдать за этими дикарями, практикующими брачные ритуалы вокруг крошечного бассейна, загаженного маслом, автозагаром и пеплом. Я должна сосредоточиться на своей миссии и не позволить Амиру диктовать, как мне провести день.

Воспрянув духом, протягиваю руку и держу Амира за запястье, пока он не поворачивается и не фокусируется на мне.

– Мне правда жаль, но вы, ребята, немного задержались, а у меня остался всего час до следующей части моего путешествия. Вы пригнали сюда машину? Времени совсем нет.

Он смотрит на меня с минуту, затем откидывает голову и смеется. Мускулистый отряд позади вторит смешкам, хоть они не слышали ни слова. Похоже, тот, кто платит за выпивку, получает восторженную аудиторию.

– Крошка, я даже не знаю твоего имени! Притормози, торопыжка. У меня есть для тебя тачка, но давай немного потусим тут, потом прыгнем в нее и пошалим, окей?

подавляю дрожь отвращения от этой ахинеи и расслабляю плечи.

– Я – Эми, – улыбаюсь, – и я определенно не против немного пошалить.

В итоге провожу почти два часа с Амиром и его растущей

шайкой. Пытаюсь смириться, но это дается тяжело. Шампанское разбрызгано, девушки соблазнены и включена музыка. Амир не может долго концентрировать внимание на чем-то одном, и мне приходится терпеливо ждать, пока он прыгает и кричит «Туууун», ни к кому не обращаясь.

Рассказываю ему, что работаю на корпоративных мероприятиях, и подчеркиваю, что я только что рассталась со своим парнем, поэтому не ищу никакой романтики. К счастью, Амир искренне не интересуется ничем подобным. Он из тех, кто просто собирает друзей и хорошо проводит время. Ничего особенного. Это обнадеживает. Я несколько раз смотрю на часы, и когда мое терпение заканчивается, говорю ему, что время поджимает и мне действительно нужно идти. Мне и правда нельзя опаздывать в «Динеро».

Он закатывает глаза, но встает и жестом подзывает Джей-Джея, который бежит к нему, практически сбивая девушку в бассейн.

– Приятель, подгони «Хаммер», – приказывает Амир и делает глоток шампанского. – Ты забавная, Эми. Я и не думал, что ты напишешь. Хотя, в конце концов, никто не может устоять перед Амиром, ха-ха.

Он кладет руку мне на спину и ведет меня к зданию. Там мы протискиваемся, как официанты, прислонившись спиной к стене.

– Дорогуша, это суперская тачка, но она мощная. Это зверь. Точно справишься?

Заверяю его, что за рулем больших машин я сидела кучу раз. Вранье на сто процентов. Я благоразумно не стала уточнять, что такое «Хаммер». Мы ждем снаружи, и Амир говорит мне спокойно наслаждаться тачкой, не беспокоясь о том, чтобы вернуть ее до воскресенья. Я верну ее еще раньше, но сейчас просто улыбаюсь и благодарю его.

По сигналу появляется громадина. Шум оглушает, и я на мгновение вздрагиваю. Амир смеется и дает пять Джей-Джею, передавая ключи. Эта машина огромная. Тонированные стекла и матово-черное покрытие. Он заставляет меня несколько раз проехать с ним по подъездной дорожке, указывает на хромированную отделку и тройную подвеску или что-то в этом роде. Сжимаю руль и осторожно ставлю ногу на тормоз, задаваясь вопросом, хорошая ли это идея. Но когда я осмеливаюсь отпустить ногу, понимаю, что мощь этой машины на руку. Говорю Амиру, как это здорово для моей маленькой поездки и как моей подруге понравится «Хаммер».

– Девочки любят большие тачки, да? В них выглядишь по-настоящему сексуально. Только не испорти мою крошку, я хочу отвезти ее на юг Франции на следующей неделе.

На мгновение чувствую себя виноватой, ведь почти наверняка собираюсь если не уничтожить ее, то, по крайней мере, нанести ей серьезный косметический ущерб. Но ничего такого, что не могла бы исправить пачка наличных, а судя по сегодняшней вечеринке, у Амира с этим проблем нет.

Он говорит оставить тачку у клуба, когда я закончу, под-

мигивает, заключает меня в крепкие объятия и возвращает-
ся на тусовку. Сажу в салоне с минуту, окутанная стойким
запахом древесного лосьона после бритья, удивляясь своей
удаче. Человек, который ничего обо мне не знает, дал мне
машину, не придираясь к страховке, удостоверению лично-
сти или даже гарантии, что я умею водить. Моя маленькая
арендованная старушка надежно спрятана в переулке, и я
могу осуществить свой план, оставив еще меньше следов,
чем представлялось раньше. На секунду задумываюсь, не ло-
вушка ли это, но, поскольку никто не знает о моих планах,
гоню эту мысль прочь.

Уже половина седьмого. Время летит быстро, когда в кро-
ви алкоголь. По словам Джереми, они отправятся в казино
после ужина, так что доберутся они туда около 21:30. Я не
собираюсь следить за ними весь вечер по одной причине: не
хочу, чтобы кто-то запомнил машину. Поэтому не спеша еду
в сторону Марбельи, надеясь найти какую-нибудь еду, поми-
мо куриных наггетсов или отсыревших чипсов.

Пока ем суп, я глубоко дышу и заставляю свою ногу пере-
стать трястись. Мари часто просила меня перечислить пять
лучших моментов дня, «чтобы вспомнить, какие мы везу-
чие». Я не делала этого с тех пор, как она умерла, но сейчас
самое подходящее время подвести итоги. Сегодня, как лю-
бят говорить неизлечимо серьезные люди, первый день мо-
ей жизни. Именно тот день, когда жизнь начнется по-насто-
ящему. Большая ее часть была отдана тому, чтобы добраться

сюда. Детство было коротким, подростковые годы разочаровали: они были похожи на комнату ожидания взрослой жизни. Начиная с двадцати лет вкалывала – средство достижения цели. Я не чувствовала себя такой уж везучей, прости, Мари. Ты ушла от меня слишком рано, и в результате удача мне так и не улыбнулась. Так что перечислить пять лучших моментов не получится. Но, может, пока достаточно и одного? Давайте начнем с малого и посмотрим, что будет дальше.

В 20:45 я оплачиваю счет и возвращаюсь к громадине, припаркованной через дорогу от ресторана. Интересно, существует ли обратная взаимосвязь между деньгами и вкусом? Пристрастие Амира к хрому говорит в пользу этой теории. То же касается дома Джереми и Кэтлин, если уж на то пошло. Но эти люди – «нувориши», как любила говорить мама Джимми. Возможно, чем старше ваш капитал, тем сильнее хватка. Если я преуспею – стану богаче Креза¹⁶, только деньги будут «новыми». Может, у меня разовьется пристрастие к бронзе, бежевому цвету и побрякушкам, но я сильно сомневаюсь. Значит, чувство стиля зависит от того, отвратителен ты или нет. Семейка Артемис безусловно бы это подтвердила.

Я не указываю пункт назначения в навигаторе, на случай если Амир полезет смотреть или полиция найдет машину. Вместо этого у меня есть маленькая карта, купленная в аэро-

¹⁶ Крез (596–546 до н. э.) – последний царь Лидии. Считается, что он одним из первых начал чеканить монету. Слыл богачом, его имя стало нарицательным.

порту за шесть евро. Я уже много раз проверяла маршрут, и у меня будет достаточно времени, если я вдруг потеряюсь. Вытаскиваю парик из сумки и морщусь от того, каким потрепанным он выглядит всего после одной носки. Скупой платит дважды, как говорит мама Джимми. В следующий раз вложу больше денег в маскировку. Я еду по извилистым темным дорогам в тишине, не превышая тридцати километров в час. На дороге почти нет машин. Изменится ли это ближе к казино? У меня будет только одна попытка, и, если появится хоть какой-то намек на другую машину, я просто не буду рисковать. Черт. Все должно получиться. *Должно.*

Казино находится у черта на куличках, но окружено множеством странных ресторанчиков и баров, а значит, я могу встать на парковке, не боясь показаться здесь белой вороной. Быстро обхожу казино, чтобы убедиться, что «Мерседеса» Артемисов еще нет, и направляюсь ко входу. Я не собираюсь заходить – во-первых, я не член клуба, а во-вторых, не хочу попасть на записи камер видеонаблюдения. Вместо этого слоняюсь в темноте между клубом и баром под названием «Лучи». Это место похоже на торговый центр за городом, и я уже ожидаю увидеть строительный магазин. Гламурным его точно не назовешь. Удивлена, что мои бабушка с дедушкой сообразовали приехать. С другой стороны, они предпочитают проводить свою старость в коттеджном поселке в Марбелье, месте, которое делает Флориду похожей на Италию эпохи Возрождения с культурной точки зрения.

Я злюсь, что выделила себе так много времени. Спорим, мои бабушка и дедушка из тех людей, которые начинают волноваться, если они не будут дома к одиннадцати вечера, но вдруг на самом деле они ночные пташки? Мне остается только шататься по парковке с несколькими кустиками, за которыми можно спрятаться. Нервы сдают, и я возвращаюсь к своей машине, чтобы собраться с силами и снова все обойти. Пока я прогуливаюсь, медленно подъезжает серебристый седан, загораживая середину дороги. Задерживаю дыхание и пытаюсь рассмотреть номерной знак, но в этом нет необходимости. На переднем сиденье – миссис Артемис с несчастным выражением лица и роскошной укладкой. Слышу хихиканье и отступаю. Останавливаюсь, когда до меня доходит – хихикала я сама. Не думала, что буду так предвкушать предстоящее.

Пожилая пара медленно выходит из машины. Джереми бросает ключи парковщику и едва смотрит на свою жену, которая осторожно ступает на тротуар, сжимая свою «Шанель», словно ребенок плюшевого мишку. Они направляются в казино, не говоря ни слова швейцару, будто молчаливые статуи сдвинулись с мест, чтобы выразить уважение великим мира сего. Только статуи не могут потереться задницей о кожаные сиденья «мерса», а вот швейцар может (надеюсь, так он и делает).

Следующие два с половиной часа сижу в своей машине. Ем омерзительный чизбургер и решаю перестать есть мясо

по возвращении домой. Выкуриваю три сигареты и клянусь бросить уже в Лондоне. Я слушаю какое-то ужасное испанское радио и мечусь между маниакальным постукиванием ногой и навязчивой проверкой зеркал – вдруг Артемисы появятся. Подтягивается группка помоложе. Казино оживает с наступлением ночи. Моя теория, что старики уходят раньше, верна. Вскоре на ступеньках появляются женщины, закутанные в шарфы от «Эрмес», и мужчины, размахивающие парковочными талончиками. Выражения на их лицах сигнализируют о сочетании богатства и злобы.

Бум. Вот они где. Кэтлин идет с подарочным пакетиком, слегка спотыкаясь, Джереми – с сигарой. Должно быть, веселая была ночка. Я рада. Я же не монстр. Приятно, что они покидают мир на хорошей ноте. Мари они и этого лишили, но я должна быть лучше. Я уничтожу всю их семью, поэтому самое меньшее, что могу им позволить, – бросок костей и пакетик с выигрышем.

Они спускаются по ступенькам, и Джереми отдает парковщику талон. Пора за дело. Включаю двигатель и выезжаю с парковки. Я уже говорила, что не планировала этого, и я не скромничаю. У меня есть смутное представление, которое в Лондоне казалось убедительным, но теперь я вообще не уверена, что у меня будет хоть одна попытка. И все же я мчу по ветряным дорогам от казино, следуя по пути, которым пожилые Артемисы отправятся на свою виллу. Через несколько минут сворачиваю на темную ухабистую дорогу. Опережаю

эту парочку примерно на десять минут, если они будут ехать осторожно. Мне нужно найти именно то место, которое я отметила на днях, но темная дорога будто хочет намеренно его скрыть.

Еду слишком быстро и чувствую, как появляется уже знакомый комок в горле. **ГДЕ ЖЕ ЭТО ПРОКЛЯТОЕ МЕСТО?** Дышу через нос и говорю себе вслух: «Ты найдешь его, у тебя есть время, Грейс. Все в порядке».

Немного сдав назад и затормозив, как на уроках вождения (будто в реальности кто-то совершал идеальное аварийное торможение без столкновения), я слышу только стрекотание цикад. В остальном – гробовая тишина. Разворачиваюсь в несколько движений на этой неуклюжей машине и паркуюсь. Восстанавливаю дыхание и жду, когда комок отступит. С этого места хорошо просматривается дорога. Если б я проехала, до возвращения Артемисов другой точки я бы не нашла. Выжидаю, упиваясь тишиной.

Свет фар. Машина то появляется, то исчезает из виду, когда поворачивает в мою сторону. У меня пара минут. Завожу «Хаммер», как будто эту громадину нужно лишний раз уговоривать, и еду, вцепившись в руль. Их автомобиль появляется в поле зрения – они медлительны и осторожны. Резко выкручиваю руль и ускоряюсь к ним, заметив, как рот Кэтлин принимает форму идеальной буквы «О», прежде чем та закрывает лицо, и свет ослепляет меня. Удар от маневра заставляет «Хаммер» развернуться, и я быстро торможу. Ма-

шина чуть ли не подпрыгивает от такого управления, будто раздраженная тем, что ее прервали. Потираю голову и смотрю вверх. Замечаю только дорожную пыль и огромную дырку в кустах на склоне утеса.

Останавливаюсь, сворачиваю на другую сторону дороги и выключаю фары. У меня есть немного времени, прежде чем я должна вернуться, оставить тачку Амира у клуба, забрать свою арендованную машину и поехать в аэропорт. Хватаю фонарик и неуверенно натягиваю латексные перчатки, заламывая часть большого пальца на левой руке. Спички и флакончик духов лежат у меня в кармане. Я перехожу дорогу и наклоняюсь над краем обрыва. Мои кеды явно не предназначены для таких испытаний, и нельзя разглядеть, как далеко укатилась машина, пока свет фонарика не выхватывает ее метрах в пятнадцати – в кустах, днищем вверх.

Мне действительно нужно возвращаться, добраться до аэропорта, оставив место преступления без улик. Что бы ни случилось, я смогу избежать ответственности. Но разве было бы весело, если б мои бабушка и дедушка умерли, так и не узнав, какую роль я сыграла во всем этом? На самом деле это всего лишь тщеславие, а я дилетант в искусстве убийства – в следующий раз не позволю себе такой слабости.

Спускаюсь со скалы, держась за кустарники и низко пригибаясь, чтобы не провалиться в темноту. Подхожу к машине. Трудно сказать, что там внутри. Похоже, двери завалены ветками. Я приближаюсь со стороны водителя, поворачиваю

голову и свечу фонариком в стекло. Джереми подвешен, его голова висит над ремнем безопасности. Он выглядит невредимым: просто без сознания и вверх тормашками. Кэтлин явно мертва. Не нужно быть судмедэкспертом, чтобы знать – голова живого человека должна быть прикреплена к телу. Ветка дерева любезно устранила это условие.

Дергаю дверь Джереми, но ничего не происходит. Поэтому я пытаюсь открыть заднюю. Теперь можно просунуть голову как раз за дедушкой. Провожу рукой по его надменно-му, худому и кровоточащему лицу, прислушиваясь к старческому прерывистому дыханию. Приближаюсь, насколько возможно, но дело не из простых – все-таки он висит вверх ногами. Извиваюсь подобно змее и шепчу его имя. Глаза дедушки приоткрываются, и он всхлипывает, когда я начинаю говорить.

– Кэтлин умерла, Джереми. Мне так жаль. Вряд ли ты выкарабкаешься, но ты не один. Узнаешь меня? Я Грейс – твоя внучка. Дочь Саймона.

Он немного подергивается.

– Да, ребенок Мари, – продолжаю я. – Мне так жаль, что мы никогда не встречались до... сегодняшней трагедии. Но ты ведь сам позаботился об этом, правильно? Ты не хотел, чтобы я была частью твоей семьи. Все в порядке, Джереми, на самом деле, я не думаю, что мы бы поладили. Но это было не по-доброму, не так ли? Поэтому, боюсь, теперь тебе придется покинуть этот мир. Не из-за меня, а из-за моей мамы.

Семья превыше всего – знаю, ты это понимаешь. А лучшая часть в том, что дело не только в тебе и твоей женошке, Джереми.

Достав флакон с духами, я поворачиваю его голову к себе так нежно, как только могу, и смотрю в единственный серый глаз.

– Я собираюсь убить всю твою семью.

Говоря это, дергаю его за галстук, и тот развязывается. Аккуратно сворачиваю его и засовываю в карман. Вот он, мой испанский сувенирчик. Затем я открываю флакон и чиркаю спичкой.

Глава вторая

Охранники стучат в наши камеры в восемь утра, прежде чем отдать завтрак на подносе и уйти. Разумеется, это не яйца пашот и свежий кофе. Нам дают чай в пакетиках, молоко и два ломтика дешевого белого хлеба. Я даже отложила кусочек в прошлом месяце, просто чтобы посмотреть, что с ним будет. Как оказалось – ничего. Он слегка сморщился по краям, но в остальном не изменился, и это пугало. Это напомнило мне историю, которую нам рассказывали в школе: беднякам в девятнадцатом веке продавали хлеб, приготовленный из мела и других напиханных туда несъедобных ингредиентов. Тюремны сейчас управляются частными компаниями со смешными вымышленными названиями, которые по задумке должны звучать угрожающе. Вот кто был бы в восторге от мелового хлеба и проклял бы день, когда ввели стандарты питания. Так уж получилось, здесь мне не особо хочется есть. Тюремную диету можно продать тем самовлюбленным инста-дивам, которые рекламируют средства для снижения аппетита и витамины сомнительного качества. Просто ешьте тесто три раза в день, а остатки обменивайте на сигареты, и ваш спортивный костюм скоро будет с вас сваливаться.

Келли спрашивает, не хочу ли я о чем-нибудь поговорить. Она склоняет голову в сочувствующем жесте, или мне кажется? Моя последняя апелляция должна быть подана со дня на

день, она об этом знает. Похоже, ее групповая терапия убедила ее в том, что у нее блестящее будущее в области психологии. Мне приходится подавить желание объяснить ей, что даже лучший терапевт с Харли-стрит¹⁷ не поможет, так что «достучаться до моего внутреннего ребенка» и «исправить все, что со мной не так» у нее не выйдет. Во-первых, Келли идиотка. Во-вторых, я считаю разговоры по душам переоцененной практикой. Как говорила моя мама: «Не ной, не поясняй». Однако она умерла слишком рано и оставила меня мстить за причиненное ей зло. И вот я здесь. В целом немного пожаловаться было бы не так уж и плохо.

Келли понимает мой намек и уходит тренироваться на ком-то другом, а я устраиваюсь на койке, чтобы начать записывать свою историю. У меня не так много времени, если я хочу рассказать ее целиком – исход моей апелляции будет известен в ближайшее время, по словам моего адвоката с вытянутым лицом. Он постоянно приходит в шикарном костюме, сшитом на заказ, но все впечатление портится кричащими лоферами. Наверняка он считает это изюминкой, но мне его обувь шлет сигнал – у него нет вкуса. Возможно, молоденькая вторая жена купила их в надежде сделать из мужа хипстера. Зря она. Нелепое самолюбие – не та черта, которую я хотела бы видеть в адвокате, пытающемся отмазать меня от пожизненного срока. Особенно если мои весомые

¹⁷ *Харли-стрит* – улица в Лондоне, известная множеством обосновавшихся там специалистов различных областей медицины.

гонорары побудят его покупать больше безвкусных вещей.

Я родилась двадцать восемь лет назад в больнице Уиттингтона. Единственная дочь Мари Бернар, молодой француженки, которая жила в Лондоне в течение трех лет, прежде чем забеременела. После родов в одиночестве она отвезла меня в свою квартирку в Холлоуэе, где я маялась от скуки, впервые испытала приступ клаустрофобии и ощутила все незначительные радости туалета в спальне. Студия – это такое вводящее в заблуждение слово, вызывающее образы просторной комнаты для творческих личностей, любящих устраивать шикарные приемы, где красивые люди облокачиваются на балкон с сигаретой в зубах. Наша квартирка находилась на пятом этаже, а на первом располагался куриный ларек. Возможно, домовладелец устроил по три квартиры на каждом этаже ради социального эксперимента – посмотреть, сколько человек он сможет разместить в старом викторианском здании, рассчитанном на четверых. Мы с мамой жили в одной комнате с маленьким чердачным окном, которое не открывалось (то ли из-за внушительного скопления голубиного помета, то ли потому, что упомянутый домовладелец решил нас спасти и не искушать возможностью орать на прохожих; мы так и не узнали почему). Звучит по-диккенсовски, да? Это не так. Не забывайте про куриный ларек. Моя мама спала на раскладном диване, а у меня была односпальная кровать. Я все еще испытываю чувство вины, когда думаю о том, как усердно она работала, как уставала и все же всегда

настаивала, что ей нравится бугристый диван. Будучи эгоистичным ребенком, я и не думала предложить ей постель. Уже взрослой я потратилась на кровать королевского размера с матрасом с эффектом памяти, но всякий раз перед сном вспоминала маму на том диване. Это портило всю экстравагантность, честно говоря.

Мари сказали, что она хорошенькая и может стать моделью, поэтому и приехала в Англию. Моя мама была поразительно красива, с оливковой кожей и пышными каштановыми волосами, которые она собирала в пучок, независимо от того, сколько раз я умоляла ее их распустить. У нее был образ непринужденной француженки – его сейчас копирует каждый фешен-блогер с переменным успехом. Без бюстгалтера, всегда. Широкие брюки и длинная золотая цепочка с миниатюрным портретом старика, личность которого затерялась во времени. До моего появления она приняла участие в нескольких небольших проектах, работая моделью для магазинов. «Кукай», настаивала она, был самым крутым бутиком своего времени, и у нее был свернутый плакат с ее фотографией, который висел в их витринах для осенней коллекции. На нем Мари сидит на корточках на земле, коричневый кардиган, накинутый на колени, прикрывает короткое платье, и кроссовки на платформе – сейчас такие снова в моде.

Моя мать не вышла ростом для подиума, поэтому карьера не могла соответствовать ее мечтам. Когда она приехала в Лондон, ей пришлось делить квартиру с двумя другими

европейскими девушками, стремящимися к успеху. Но какое-то время определенно было весело. Ночная жизнь Лондона в начале девяностых была, по словам Мари, золотым веком. Вечера в «Бродяге», клубе с эксклюзивным членством, открывшемся в 1969 году, были почти такими же гламурными, как во времена, когда его посещала Лайза Миннелли¹⁸. Если я не могла заснуть, мама ложилась рядом на мою маленькую кровать и рассказывала о шампанском, которое подавали с бенгальскими огнями, и кожаных банкетках в ресторане, где она обедала с актерами и звездами спорта и танцевала до рассвета. «Внутри можно курить», – говорила она мне, а богатейшие женщины бесстыдно носили меха. Ее жизнь до моего появления казалась водоворотом вечеринок и кастингов. Я всегда думала, что девушке, наделенной такой врожденной красотой, не нужно особенно стараться, и Мари никогда не беспокоилась о деньгах или будущем. Кто-то всегда будет присматривать за француженкой, которая не носит лифчик и хочет повеселиться. Кто-то всегда будет рядом с девушкой, не знающей себе цену.

Кроме того, моя мать уже отдала свое сердце мужчине. Мужчине, который впоследствии станет моим отцом. Мужчине, который пообещает ей весь мир. Мужчине, которого я поклялась убить, когда вырасту.

¹⁸ Лайза Миннелли (род. 1946 г.) – американская актриса и певица. Лауреат премий «Оскар», «Грэмми», двух «Золотых глобусов» и «Тони».

Глава третья

Даже сейчас сама мысль об этом человеке меня напрягает. Я заставляю себя дышать полной грудью. Я мастер самоконтроля. Это не появилось само собой. В детстве я часто закатывала чудовищные истерики и каталась по полу, если меня что-то не устраивало, а моя мать смотрела на это с удивлением и извинялась перед окружающими. Эта склонность к драматизму живет во мне по сей день, но я давно научилась держать ее в узде. Если вы собираетесь осуществить план... по убийству кучи людей, нельзя позволять своим эмоциям выйти из-под контроля. Это только все усложнит. Нет ничего хуже, чем быть разоблаченным из-за потакания желаниям и отсутствия самообладания. Когда я была маленькой, мне все-таки приходилось сносить унижение от использования туалета в метре от кровати. Но, по крайней мере, это было не из-за глупой склонности к драматизму.

Через минуту мое дыхание снова в норме. Вы знаете, что Хиллари Клинтон практиковала нади шодхана, когда проиграла выборы в 2016 году Дональду Трампу? Конечно, она полагалась и на вино, но проигрыш такому невежде требовал большего. Эта техника заключается в том, что вы глубоко вдыхаете и выдыхаете через одну и ту же ноздрю. Можете смеяться, но это помогает мне быстро успокоиться даже в тюрьме, где не приходится рассчитывать на качественные

лекарства или бокал мерло после тяжелого дня. По ночам, когда невозможно заснуть и мои мысли неизменно возвращаются к работе всей моей жизни, я часто думаю о миссис Клинтон рядом с этим кричащим оранжевым кретином. Какой бы ни была ее политика, она противостояла агрессору, отказавшемуся соблюдать условности и приличия. Такой человек может свести с ума без видимых усилий, в то время как вы собираете всю волю в кулак, чтобы просто придерживаться плана и сохранять хоть долю человечности. У Хиллари было одно преимущество передо мной. Ее противником был мужчина, от которого она могла уйти, потерпев поражение. Моим же был отец. Ладно, может, преимущество у меня. Клинтон не могла убить Трампа, как бы ей этого ни хотелось. Жалко, что возможности так и не было. Это расслабляет гораздо больше, чем скучное попеременное дыхание.

* * *

Мари познакомилась с отцом в 1991 году. Он бросил ее еще до моего рождения. Она позаботилась о том, чтобы я росла в любви. Когда я пошла в начальную школу, стало ясно, что эта любовь, какой бы сильной она ни была, исходила только от одного человека. У других детей были папы, говорила я Мари, когда та готовила ужин или мыла мне волосы теплой водой над маленькой раковиной. Поначалу мама пыталась сменить тему, но к моим девяти годам она поняла —

моя своенравная натура только крепнет, поэтому однажды после школы усадила меня и рассказала об отце. Большую часть информации я узнала позже, так как Мари, очевидно, хотела представить мне диснеевскую версию человека, который добровольно отдал свое семя, чтобы создать меня, не задумываясь о дальнейших последствиях.

Мари встретила его в ночном клубе – где же еще. Она сказала, он был немного старше (позже я узнала, что он был старше на двадцать два года; какого же плохого мнения о себе все молодые женщины) и отправил ей шампанское через танцпол. Мари отослала удивленного официанта: ей очень нравилось танцевать, а ведерко «Вдовы Клико» этому не способствовало.

Бывала я в таких клубах, как этот, и видела мужчин, подобных моему отцу. Ночь за ночью они прячутся в темных углах, наблюдая, как девушки устраивают шоу для так называемых зрителей и ждут приглашения за столик, где кто-то купит им неприлично дорогие напитки. Если б моя мама была такой же, как остальные, то все бы закончилось на танцах и перешептывании, возможно, удалось бы выпросить ужин или даже два. Вот и все, фиаско, просто еще одна симпатичная девушка, просто еще один титулованный богач. За исключением того, что моя мама вернула шампанское. Никто никогда не делал ничего подобного с этим толстосумом. Время от времени я представляю себе этот момент. Мне нравится думать, что отец не мог спокойно смотреть, как Мари

радостно танцует и с такой простотой пресекает его попытки произвести впечатление. Я прямо вижу его: переосмысливает, работает своим крошечным мозгом усерднее, чем обычно, чтобы придумать новый план, способ завладеть ее вниманием. Подчинить ее своей воле.

Две недели спустя она столкнулась с ним возле другого клуба. Шел дождь, Мари стояла в очереди, высоко подняв пальто, и толкалась с другими желающими попасть в эксклюзивное ночное заведение. Толпа декадентов. Ну, или толпа, которая хочет укрыться от дождя.

Мы сидели на диване-кровати, мама смотрела вдаль, и ее голос стал мягче, как только она перешла к описанию папиного появления: к клубу подъехала тонированная спортивная машина и с визгом остановилась, распугав жалкое сборище. Когда мама рассказывала мне все это, отец уже тогда обращался с ней с жестокостью, от которой у меня до сих пор горят внутренности, и все же она говорила о нем с любовью и даже с благоговением.

– Он вышел из машины и бросил ключ парковщику. Я заметила его только из-за ужасного шума. И когда я увидела его бросок... черт... я подумала, что это жутко самонадеянный поступок – вот так парковаться посреди дороги.

Она уверяла, что отвернулась, когда охранники сняли красные бархатные веревки, чтобы пропустить его внутрь, и толпа двинулась вперед, разозлившись от необходимости ждать на холоде. А потом чья-то рука поманила ее ко вхо-

ду. Сурового вида женщина с планшетом быстро кивнула, как бы говоря «да, вы», и Мари пробралась сквозь толпу и представилась. Ее пригласили войти. Мама без вопросов согласилась, несмотря на то что люди позади нее ворчали и свистели. Когда она спустилась по лестнице, он встретил ее, прислонившись к стене, скрестив руки на груди и ухмыляясь. Я много раз видела эту ухмылку в прессе. Это почти его фирменное выражение лица. Сильное сочетание высокомерия и обаяния. Комбинация, приводящая в бешенство, ведь вы быстро понимаете – в случае с такими мужчинами высокомерие всегда берет верх, но к тому времени уже слишком поздно, потому что первоначальное впечатление опьяняет и его трудно забыть.

– Значит, ты не хочешь моего шампанского, но примешь мое приглашение? – он оглядел ее с ног до головы.

Честно говоря, я все еще осуждаю ее за то, что она не развернулась и не ушла в ту же секунду. Даже в возрасте девяти лет, когда мама рассказала мне об их первой встрече, я распознала жалкий и унижительный подкат. Я могла еще представить, что мой отец был бы каким-то мифическим персонажем, которого мы потеряли в результате героического поступка, но в тот момент эта немая догадка умерла. Мой отец был отстойным шарлатаном в дорогом костюме, и моя мать это проглотила.

Предполагаю, поначалу она была холодна и отшила его с какой-то резкой французской насмешкой, но даже если Ма-

ри так сделала, это все равно ничего не значило. На следующий день он узнал ее адрес и появился на кабриолете, заполненном цветами. Соседи по квартире разбудили маму, как немного позже рассказала мне Элен, поддразнивая ее по поводу британца в плоской кепке, который сигналил и мешал движению. Неделю спустя они полетели в Венецию на частном самолете. Он отвез ее на площадь Святого Марка выпить по коктейлю (так безвкусно, честно говоря) и признался в любви.

Экстравагантные проявления привязанности продолжались в течение следующих нескольких месяцев, пока они ходили по ресторанам, ночным клубам, которые оба любили, и гуляли в Гайд-парке по понедельникам. Ее барьеры были разрушены, она больше не относилась с осторожностью и презрением к лондонским мужчинам и их намерениям. Мари перестала так часто ходить на кастинги, предпочитая быть свободной на случай, если он позвонит. И он это делал. Но только с понедельника по пятницу, и он редко оставался с ней на ночь, ссылаясь на работу или пожилую мать.

У вас сейчас глаза закатились так сильно, что вы увидели собственный мозг? Ну да. Мы можем остановиться на глупом решении моей матери довериться мужчине, который носил ремни с большими пряжками и любил группу *Dire Straits*, или мы можем двигаться дальше. У меня не так много времени, чтобы разобраться в манипуляциях с его стороны или в ее наивности. Очевидно, отец был занят. Более того, женат,

с ребенком и домом высоко на холме в Северном Лондоне с прислугой, двумя породистыми собаками, винным погребом, бассейном и еще несколькими акрами земли. Он был не просто связан обязательствами, он был прикован намертво.

Эту часть истории опустили, когда мне впервые рассказали о нем. Мари не виновата, что хотела о чем-то умолчать. Я бы в том возрасте все равно не поняла. Вместо этого мама пыталась объяснить, почему отец никогда не навещал меня, никогда не присылал подарки на день рождения, никогда не появлялся на родительском собрании. Поглаживая меня по руке, Мари сказала, что он участвовал в крупных, важных сделках, которые влияли на жизни тысяч людей, и поэтому он не мог с нами видеться. Он облетел весь мир, сказала Мари, он очень любил нас, и когда придет время, мы все будем вместе. Но тогда мы должны были позволить ему усердно работать и готовиться к воссоединению с семьей. Верила ли она сама в это? Я часто задавалась этим вопросом.

Была ли моя образованная, добрая мама действительно такой, прямо скажем, тупой? Может быть. Женский пол так часто разочаровывает – я помню, как однажды читала о женщине, которая вышла замуж за афериста, выдававшего себя за шпиона. Он убедил ее отписать ему сбережения на сумму 130 000 фунтов стерлингов из-за своей «работы под прикрытием» – нужно было продержаться до тех пор, пока начальство не сможет безопасно с ним связаться. Та женщина никогда не просила доказательств – настолько хотела, чтобы

этот нелепый любовный спектакль был настоящим. Потом она, подавленная и печальная, охотно позировала для еженедельного журнала и рассказывала свою историю, – все это только усугубляло ее унижительное положение. Должна ли я испытывать жалость к зрелой женщине, которая мечтала о сказочном романе и не задавалась вопросом, почему этот мужчина без ума от нее, пятидесятилетней старой девы (и моложе она совсем не казалась)? Мари была выше этой женщины, но и ей, очевидно, не были чужды подобные заблуждения.

Несмотря на все нелепые обещания семейной жизни, которые скармливала мне мать, Мари была достаточно мудра, чтобы сообщать только выборочные факты и останавливать поток моих вопросов, не говоря ничего конкретного. Но она совершила ошибку, указав мне на дом отца после поездки в Хэмпстед-Хит несколько месяцев спустя. Мы заблудились в лесистой местности, и начался дождь. Мама схватила меня за руку и повела вверх по склону, пытаясь найти дорогу к главной улице, где можно сесть на автобус. Но когда мы наконец добрались до остановки, она оживленно прошла дальше, а я заныла и закуталась в куртку. Несмотря на дождливое небо, мы шли еще десять минут по длинной частной дороге, пока мама не сбавила шаг.

Мы остановились перед домом, и Мари некоторое время молча смотрела на него, пока я нетерпеливо не дернула ее за руку. Хоть я и говорю, что мы паялились на дом, огром-

ные железные ворота с камерами видеонаблюдения скрывали почти весь участок. Мы жили в чердачной комнате в доме на главной улице. Я никогда не предполагала, что дом может быть настолько важным, что его приходится прятать от посторонних глаз. Не глядя на меня, мать почти благоговейно указала на ворота.

– Это дом твоего отца, Грейс.

Я не знала, что сказать. Было неловко задерживаться рядом с этим величественным зданием промокшей до нитки. Мари, должно быть, заметила, как я медленно пячусь назад, пытаюсь заставить ее отправиться в безопасное место к автобусной остановке и домой, поэтому она лучезарно улыбнулась.

– Как жаль, что твоего отца сегодня нет дома, но разве это не прекрасно, Грейс? Однажды у тебя там будет своя собственная спальня!

Я кивнула. Мама взяла меня за руку, мы развернулись и направились прочь, вниз по холму к нашему дому. Об этой поездке больше не вспоминали. Но пока я росла, много раз думала о спальне, которую она мне обещала. Я представляла ее с розовыми обоями и большой двуспальной кроватью, и, может быть, шкафом, полным новой одежды. Но сколько бы я ни падала в эту кроличью нору грез, я знала: Мари лжет и за этими огромными воротами для меня никогда не будет спальни. Даже тогда я ясно понимала: со мной и Мари сделали что-то очень плохое.

Вот такой папа. Не тот, которого я бы выбрала, если б со мной посоветовались, но что поделаешь. Чьи-то отцы поднимают руку на домашних, а чьи-то носят шлепки. Каждый несет свой крест.

Я мало что рассказала о его личности или прошлом, да? Расскажу. Но если вы действительно хотите понять мои мотивы, нужно снова вернуться в детство. Надеюсь, это не звучит так, будто я потакаю своим прихотям. А даже если и потакаю, что ж, это моя история.

Сейчас я лежу на двухъярусной кровати в камере, которая пахнет убойной смесью печали и мочи, так что я воспользуюсь любым предлогом, чтобы сбежать в свои воспоминания. Вот самые ранние: у Мари не хватало денег на еду, электричество и, один неприятный раз, на средства гигиены. Мы вставали в шесть утра, чтобы Мари могла вовремя прийти на работу в кафе, где я сидела в подсобке и делала домашние задания. Мама валилась с ног от усталости и все больше напоминала выжатый лимон. Зимой всегда было холодно, потому что мы пользовались отоплением только в начале месяца, когда Мари получала зарплату.

Холод до сих пор вселяет в меня необузданный страх. Взрослой, я оплатила установку дополнительных радиаторов в своей квартире, к удивлению домовладельца, и выложила неприлично большую сумму за отвратительный меховой плед – хотела быть уверенной, что не проснусь, дрожа от холода, как в детстве. Мех, может, и нехорошо использовать,

но, честно говоря, на голой коже он ощущается восхитительно.

Мари пыталась справиться с нехваткой денег и поддержки, держалась молодцом. Ее родители, не одобрявшие, как они выражались, ее жизненный выбор, ничего ей не дали. С бабушкой Гортензией мы однажды встретились за обедом, во время одной из ее поездок в Лондон. Рискну предположить, она приезжала терроризировать продавщиц и ради смеха доводить официантов до слез. Мама одела меня в лучший наряд: колючий джемпер из «Маркс&Спенсер», купленный на Рождество (я его ненавидела, но она гордилась, потому что он был из настоящей шерсти и с кружевным воротником), и вельветовые брюки, которые сдавливали живот и изначально принадлежали другому ребенку. Бабушка поздоровалась со мной, затем быстро повернулась к маме и до конца встречи говорила по-французски. Мари отвечала на английском, что только придавало Гортензии решительности.

Когда мы вышли из ресторана, Гортензия наклонилась, потянула рукав моего джемпера к своему лицу и принюхалась. Она, указав на меня, что-то сказала Мари, и глаза той наполнились слезами. Это был последний раз, когда я видела старую ведьму. После смерти Мари она прислала мне письмо. Я даже не стала его вскрывать – вместо этого решила разорвать его на мелкие кусочки и смыть в унитаз в доме Элен. Может, она уже мертва, но я надеюсь, что нет. Мне

хочется, чтобы она увидела меня в новостях, чтобы она и ее старый муж наткнулись на продажных журналистов у своей двери, когда начнется суд. И я молюсь, чтобы их соседи смотрели на них с опаской или, еще хуже того, с наигранным сочувствием.

Итак, мы были нищими, и у Мари не было никого, кроме Элен. Беа, ее единственная настоящая подруга, сбежала обратно во Францию после неудачной интрижки и подлого агента, который кучу раз предлагал ей попробовать развить расстройство пищевого поведения, чтобы заработать хоть какие-то деньги. По ночам, пока я притворялась спящей, мама писала за кухонным столом. Потом рвала все в клочья и начинала сначала. Утром письма лежали на столе, готовые к отправке. Имя адресата я разобрала, только когда стала старше. Однажды увидела выброшенный в мусорное ведро черновик и достала его.

Мой дорогой, я понимаю, мы не можем встретиться, и я всегда уважала твое решение. Ты знаешь, я сильно любила тебя и никогда не сделала бы ничего во вред тебе или твоей семье. Но Грейс растет, и я так хочу, чтобы ты узнал ее – хотя бы немного. Я не прошу денег и не ожидаю, что мы когда-нибудь сможем сблизиться, как раньше. Но ей нужен отец! Иногда она наклоняет голову, слегка ухмыляясь, и выглядит совсем как твоя маленькая копия. У меня от этого смешанное чувство гордости и боли, которое ты никогда не смог бы себе представить. Может быть,

ты встретишься с нами как-нибудь в воскресенье в парке Хайгейта, на часочек? Пожалуйста, ответь мне. Я даже не знаю, читаешь ли ты эти письма.

Я узнала три очень важные вещи. Во-первых, слезка почти всегда приносит плоды. Во-вторых, мой отец был женат и не хотел иметь со мной ничего общего, несмотря на попытки Мари рассказать мне другую историю. И в-третьих, я узнала имя потаскуна, который разбил сердце моей матери и бросил нас в нищете. Как оказалось, это имя я уже слышала. И многие слышали. Мой отец – Саймон Артемис, один из богатейших людей в мире. Или лучше сказать, *был* одним из богатейших, пока не умер.

Я услышала звонок. Нужно пойти постирать. Нескончаемые сереющие простыни, – стираешь и складываешь, стираешь и складываешь. Гламур иногда надоедает.

Глава четвертая

Моя молодость не была похожа на бульварные романчики из аэропорта про невообразимые страдания. У них всегда названия вроде «Папа, не надо», и продаются они только потому, что людям нравится читать о чужих травмах и чувствовать себя лучше от проблеска сострадания. «Выплакала все глаза, такая грустная история (типичная рецензия в каком-нибудь книжном клубе для мамочек). О, вы читали о жестоком обращении с детьми и поняли, что это расстраивает вас, Кейт 1982? (имя Кейт просто хорошо подходит для пользователя такого сайта). Так рада, что вы смогли рассказать нам, как это повлияло на вас».

В любом случае в моем детстве (когда Мари была жива) было несколько хороших моментов. Меня очень любили, и я это знала – хоть это и исходило от одного человека. Матери искусны в том, чтобы дарить всеобъемлющую любовь, и только позже вы можете осознать, что упускаете любовь от других людей. Мари приняла удар от ухода Саймона на себя и хорошо это скрывала. Конечно, я знала, как ей было тяжело, дети всегда все понимают, так ведь? А еще дети – самые большие эгоисты, поэтому пока маме удавалось заклеивать все трещины нашего счастливого «фасада», меня все более чем устраивало. Мари откладывала деньги. Она работала бариста в кофейне в Энджеле, где были торты без муки для

женщин, обнаруживших у себя непереносимость глютена, и кофе минимум по три фунта. И подрабатывала уборщицей у дам из Хайгейта, которые, вероятно, торты вообще не ели. Каждые три месяца Мари удавалось накопить на «загадочное волшебное путешествие» – мы могли посмотреть «Катти Сарк»¹⁹ или поехать на метро в «Селфриджес», чтобы поглазеть на рождественские огни. Однажды она повела меня на ярмарку в Хэмпстед-Хит, где я впервые попробовала сахарную вату и выиграла рыбку в игре в обручи. Мы поместили ее в вазу на нашем кухонном столе и назвали ее РИП²⁰, – мне показалось это забавным, так как рыбки с ярмарок никогда долго не живут. Мари считала, что это низко, и лелеяла эту рыбку, каждую неделю чистя ее домик и добавляя несколько зеленых растений и камней. Я потеряла к рыбе интерес, но благодаря уходу РИП прожил десять лет. Он пережил мою мать.

Мы с Мари продолжали бороться. Я ходила в хорошую начальную школу недалеко от Семи сестер²¹, где у меня был только один друг, мальчик по имени Джимми, чья семья жила в очень большом доме, забитом коврами, подушками и книгами, сложенными от пола до потолка в каждой комна-

¹⁹ «*Катти Сарк*» – единственное сохранившееся трехмачтовое парусное судно XIX века.

²⁰ R.I.P. (rest in peace – «покойся с миром») – традиционная надпись на надгробиях.

²¹ *Семь сестер* – район Тоттенхэма в Северном Лондоне.

те. Его мама была психологом, а отец – терапевтом, и они легко могли отправить своего сына в подготовительную школу, расположенную не по соседству с ломбардом, где торговали тяжелыми наркотиками. Но у них на окне висел большой плакат лейбористов, и они чувствовали себя виноватыми перед малоимущими семьями из-за своей обеспеченности. Образование Джимми было одним из способов очистить совесть. Мы с ним общаемся до сих пор. Можно сказать, наши отношения повзрослели вместе с нами.

Мы могли бы продолжать в том же духе, Мари и я. Я пошла в среднюю школу в конце улицы (сначала с Джимми, но в седьмом классе его стали нещадно дразнить, называли «мажором», поэтому его перевели в дневную частную школу с углубленным изучением живописи – еще один мучительный компромисс, на который пошли его родители) и завела несколько друзей. Возможно, если б у нас было больше времени, Мари могла бы найти работу получше, и кто знает, может быть, встретила бы хорошего мужчину, который бы разделил с ней ее бремя. Я могла бы поступить в университет, а позже заработать достаточно, чтобы позаботиться о маме, купить ей квартиру, машину. Но если б это была наша судьба, то я бы не была здесь, не писала бы это, не ждала, когда Келли влетит в нашу камеру и попытается втянуть меня в разговор о мелировании, которое она сама себе сделала. Вместо этого Мари стала медлительнее, бледнее и спала так долго, что, когда я вставала в школу, она еще была в постели.

Подработку она потеряла – проспала, встала только в 11:00, и какая-то карга с напудренным лицом в доме с шестью ванными комнатами бездушно уволила ее по СМС в 11:30. У Мари болела спина – она как-то жаловалась Элен, сидя на диване, пока я дремала в постели. Элен уговаривала ее сходить к врачу, но та отмахнулась.

– С тех пор, как мы начали жить в этой холодной сырой стране, у меня постоянно что-то болит, – засмеялась мама.

Кто знает, как ей было плохо на самом деле? Конечно, не я. Дети поглощены собой, а родители должны быть непоколебимыми. Вот такое правило. Но Мари нарушила его. Два месяца спустя она впервые взяла меня с собой в отпуск в Корнуолл. Мы остановились в автопарке на скале с видом на бескрайнее море, гуляли по прибрежным тропкам, и я тогда ела много мороженого. Мари пила вино на порошке нашего фургона, а я, лежа на траве, расспрашивала ее о детстве во Франции, о том, как я могла бы выучиться на фотографа, когда вырасту, о том, буду ли я когда-нибудь любить мальчиков по-взрослому, если все они незрелые, как мои одноклассники. Ее это рассмешило. Во время того отпуска она много смеялась.

Мне было тринадцать, когда стало очевидно, ее боли – не просто следствие бесконечной работы и постоянного беспокойства. Однажды Элен забрала меня из школы пораньше и отвезла в больницу. Мари упала в обморок на работе, и, прежде чем я смогла ее увидеть, единственная подруга мо-

ей мамы усадила меня в комнате для посетителей и сказала, что у Мари рак. Она откладывала поход к врачу и, как многие женщины, которые заботятся о других, полностью пренебрегла своими потребностями. Она не хотела, чтобы я знала, объяснила Элен, но я заслуживала этого. Я уставилась на лампу над головой, и у меня зазвенело в ушах, когда Элен спросила, могу ли я сохранять спокойствие и быть храброй перед своей матерью. В этот момент у меня было чувство, будто что-то отключилось в моем мозгу, будто я внезапно оказалась в режиме ожидания, не в состоянии работать на полную мощность. Позже я узнала, это называется диссоциацией – ваш мозг отключается, чтобы защитить вас от стресса или травмы. Это ужасное чувство, но оно помогало делать всякие... неприятные вещи. Честно говоря, когда повсюду кровь и крики цепляющегося за жизнь человека, отключить мозг – настоящее облегчение.

Мари так и не вернулась домой, а шесть недель спустя моя милая измученная матушка умерла. В тот короткий промежуток времени между ее диагнозом и смертью было решено, что я буду жить с Элен – как будто мне есть куда еще пойти. Мои бабушка и дедушка даже не приехали на похороны. Церемония была скромной, пришли несколько бывших моделей, которые знали ее с начала карьеры, коллеги по работе и родители Джимми – Джон и Софи. Мы подняли за нее тост в местном кафе, куда обычно ходили за горячим шоколадом утром по субботам, когда нам нужно было сбежать от

сырости и холода нашей квартиры. И на этом мое детство в значительной степени закончилось.

Я переехала к Элен в Кенсал-Райз, и у меня впервые появилась собственная спальня – небольшое помещение, где раньше хранилась ее одежда и давно заброшенные старые тренажеры. Рыбка переехала со мной, ее вазочка стояла на туалетном столике. Элен никогда в жизни не планировала брать под опеку подростка, но, к ее счастью, она как никто другой хорошо справилась со мной. У нее всегда была еда, и она давала мне деньги на дорогу и одежду. Я не говорила этого вслух, на случай если меня поразит какое-нибудь мстительное божество, но такая жизнь была на уровень выше нашего с мамой существования в той убогой комнатухе. Я перешла в школу поближе к квартире и почти сразу стала независимой. Элен работала в модельном агентстве и уходила на весь день, поэтому я часами гуляла по местному парку после школы, чтобы скоротать время, или пила чай в кафешке – только б не возвращаться в пустую квартиру и думать обо всем, чего я лишилась.

Элен освободила мамину комнату, и хотя там не было ничего особо ценного, она отдала мне любимое кольцо Мари с опалом, которое идеально подходило на мой большой палец. Я постоянно трогала его в течение дня. Еще она дала мне коробку с письмами, документами и фотографиями из юности Мари, включая плакат «Кукай». Я никогда их не открывала. Не считая кольца, я не очень люблю сентименталь-

ные вещицы (конечно, я не смогла сдержаться и сохранила несколько ценных сувениров после убийств, но это вряд ли можно назвать сентиментальностью).

Однажды, роясь под кроватью Элен в поисках выпрямителя для волос, я нашла еще одну коробку, совсем не похожую на первую – та была украшена цветами и сердечками. А вот такие я видела в кабинете завуча – прочные и строгие. На корешке красными чернилами было выведено: «Грейс/ Саймон».

Разумеется, я решила заглянуть внутрь. Без колебаний. Я все еще игнорирую чужую частную жизнь – если вы оставите что-то около меня, я посмотрю, проанализирую и запомню. Все мое детство показало: ни на кого нельзя положиться; возможно, от этого и появились проблемы с доверием – мне нужно больше информации. Есть еще вариант: может, я просто хочу залезть к вам голову и получить над вами преимущество. Это не всегда работает. Я начала копать в дневнике Келли, как только села, но нельзя проникнуть в чьи-то сокровенные мысли, если они полностью лишены оригинальности.

Я села у двери на случай, если Элен вернется домой. Она была свидетельницей недолгих отношений моих родителей, но совсем не говорила об этом, даже когда Мари умерла. Знаю, она чувствовала, что это не поможет, и хотела меня защитить, поэтому я не настаивала. Эта коробка все равно могла рассказать больше. Элен была доброй, но высоким интел-

лектом и особой пронизательностью не отличалась. Единственный канал показывал сразу все ее любимые шоу – надеюсь, это хоть что-то проясняет.

Внутри лежала неаккуратная пачка бумаг – разные газетные вырезки, письма и фотографии, все вперемешку. Я начала сортировать их по стопкам, а закончив, стала внимательно рассматривать фото. На некоторых была моя мама с подругами в разных клубах по всему Лондону. Мари и Элен в мини-платьях курят в перерыве между танцами. Незнакомые мне девушки держат бутылки с шампанским и разбрызгивают его повсюду.

Когда на временной линии Мари появился Саймон, девушки с фотографий стали потихоньку исчезать, плавно выходя из кадра. Я нашла его фото в компании других мужчин – все в белых рубашках и дорогих потертых джинсах, с большими золотыми пряжками на ремнях: они обнимают друг друга за плечи, совсем как школьники, но сжимают зубами сигары, держат рюмки и подмигивают камере. Потом были фотографии только моей мамы и Саймона: он кружит ее в танце, ее юбка в горошек не в фокусе из-за движения, но выражение лица четкое. Восторг. Ее взгляд направлен на Саймона, но тот на нее не смотрит – самодовольно улыбается в объектив. Ни на одной фотографии он не смотрит на Мари. Вместо этого он лыбится приятелям с таким же, как у Мари, отчаянным взглядом, кривляется на камеру, закрывает объектив рукой, танцует на столе или водит хороводы

вокруг запуганного официанта, пока все аплодируют.

Странно осознавать, что ты ненавидишь своего отца, хотя ни разу его не видела. Конечно, я знала, как он плохо обращался с мамой, но это было еще не все. Всего от нескольких фотографий у меня по коже побежали мурашки. Его загорелое блестящее лицо говорило о тщеславии, с которым я раньше не сталкивалась. Его очевидная потребность привлечь все доступное внимание была жалкой. Он занял место других людей – женщин вытеснили к краю, их показывали только в качестве красивого реквизита для Саймона Артемиса. Его банда друзей выглядела настолько подозрительно, насколько вы можете себе представить, – из тех, кому было бы разумно не высовываться после #MeToo²². От всего увиденного мне стало дурно. Этот мужчина, с его ужасно яркой одеждой и явной потребностью демонстрировать свой уровень тестостерона, *этот мужчина* внес вклад в мое ДНК, мой характер, мое существование. И снова я задалась вопросом: может, у Мари есть какая-то скрытая психологическая травма – как еще объяснить этот выбор. Как она могла совершить такую огромную ошибку?

Мне было тринадцать, когда я впервые увидела эти фотографии. Я мало что знала об отношениях между мужчинами и женщинами, о патриархате, об идее эмоциональной манипуляции или даже о сексуальном влечении. Я видела, как этот отвратительный человек открыто демонстрировал

²² *MeToo* – движение против сексуального насилия и домогательств.

все свои худшие качества перед камерой, пока моя любимая мама смотрела на него. В тот момент я возненавидела и ее.

Запихнув фотографии обратно в коробку, я заметила, как рука сжалась в кулак и мышцы на шее начали слегка гореть – сигнал скорой головной боли. Если я не продолжу, шанса все посмотреть мне может больше и не выпасть. Кто знает, что Элен собралась делать с коробкой?

Затем пошли вырезки из газет, заплесневелые и выцветшие. Заголовки представляли собой смесь деловых и личных новостей. «Саймон Артемис покупает сеть подростковой одежды “Дерзкая девчонка”», «Артемиса раскритиковали за “потогонные” условия», «Саймон и Джанин показали свою миленькую дочурку», «Саймон Артемис получил орден Британской империи? Слухи о присвоении почетного звания для генерального директора Артемис Холдингс». Последнее – вырезка из глянцевого журнала с фотографией Саймона и его жены (которую, как я теперь знала, звали Джанин) с лохматыми собаками на пушистом ковре, а на заднем плане – огромная рождественская елка. На руках Саймон держал их дочь, которую, как я заметила, звали Бриони. На вид ей было около трех лет. Я проверила дату на статье. Мышцы шеи напрягались сильнее. Я была всего на 13 месяцев моложе нее. Моя сестра была совсем маленькой, когда Саймон шлялся по клубам и ухаживал за моей матерью, обещая ей бог знает что. На фотографиях был изображен тот самый дом, на который указала мне мама дождливым хемпстендским днем, и

даже в том возрасте я поняла, что выглядел он просто отвратительно. Джанин (я предполагаю, это была она, ведь многие мужчины все еще считают, что поддерживать порядок в доме – это исключительно женская обязанность), очевидно, испытывала непреодолимую страсть к серому и серебристому. Вы когда-нибудь видели серебряную каминную полку? Не металл или краску, настоящее серебро. Привезенное из Вены, как я узнала несколько лет спустя, когда меня совсем ненадолго впустили в их дом на вечеринку для персонала. Джанин играла любезную хозяйку, разговаривала со всеми по паре-тройке минут, будто она была королевой. Я задавала много вопросов о ее, скажем так, уникальном подходе к дизайну интерьера. Вряд ли она была бы такой любезной, если б знала о моих планах на нее и ее самых близких и дорогих людей, однако ее гордость этим ужасным камином была такой явной, что нельзя говорить наверняка.

Вырезки пролили свет на род занятий Саймона. Он владел маркой «Дерзкая девчонка», бюджетной авиакомпанией «Спортус» и примерно 1800 объектами недвижимости по всему Юго-Востоку, состояние которых принесло ему забавное прозвище Нечистый землевладелец. Также в его собственности было несколько отелей и пара яхт – их тоже можно было арендовать, если пятизвездочный отель покажется вам дешевкой. Настоящим олицетворением тщеславия в 1998 году стал виноградник Саймона и Джанин, где они производили вино и продавали его, видимо, только друзьям. На

бутылках была этикетка с надписью «Шик Шабли». Вряд ли было еще что-то, способное так много рассказать о человеке.

Последним в коробке был толстый кремовый конверт с двумя листками бумаги. Первым мне попало письмо от самого Саймона. Это были торопливые каракули, написанные черными чернилами, слова почти разрывали бумагу.

Мари, спасибо за твое письмо. Мне жаль слышать о твоей болезни, но то, что ты предлагаешь, невозможно. Как я уже много раз говорил, решение завести ребенка было только твоим. Ты не имела права даже вообразить, что я буду рисковать своей семьей и репутацией ради шестинедельной интрижки. Вместо этого ты решила родить ребенка (и у меня все равно нет доказательств, что он мой), а затем попыталась заманить меня к ней. Ты должна прекратить себя обманывать. Твоя дочь никогда не будет частью моей семьи. У меня есть жена, Мари! У меня есть дочь. Возможно, в следующем году я получу титул пэра. Ты должна перестать пытаться повлиять на мою жизнь. Я приложил чек на 5000 (пять тысяч) фунтов стерлингов, и это более чем щедро, но, учитывая твои проблемы со здоровьем, мне кажется, это правильно. В свою очередь я требую, чтобы ты оборвала все контакты. Саймон.

Другое письмо в конверте было от мамы, оно и спровоцировало эту кошмарную вспышку. Я не хотела читать ее мольбы, видеть уязвимость и печаль в ее почерке. Слишком

стыдно было за то, какой слабой она представляла в глазах этого человека. Но я-то сильная. Если и прочитаю письмо, это только усилит мою ярость, закалит ее, подобно стали. Я начала читать.

Дорогой Саймон,

Я знаю, ты просил меня не писать, и я старалась уважать твое решение, хотя оно меня расстраивает. Но я должна сказать, что больна. Долго я не проживу, по словам хороших врачей в больнице Уиттингтона (это недалеко от тебя). Я смирилась с этим не потому, что хочу умереть, а потому, что устала. Я устала, и мне плохо вот уже несколько лет, и с тех пор, как у меня появилась Грейс, жизнь была тяжелой и легче не становилась. Но ни на секунду не думай, что я виню Грейс. Она – лучик света. Я так жалею, что ты не видел ее ребенком, совсем малышкой, когда в свои шесть лет она настаивала на том, чтобы ее звали Кристал. Я бы хотела, чтобы ты был рядом, когда она представляла себя лягушкой и всю неделю квакала, или когда выиграла приз за рисунок в школе. Ты столько всего пропустил, но тебе не нужно упускать остальное. Я-то уж точно пропущу. Я буду так скучать по ней. Эти мысли не дают мне заснуть, хотя, честно говоря, монитор и шум в палате не помогают. Саймон, ты должен забрать ее. Ты должен рассказать о ней своей жене – она простит тебя за то, что случилось так много лет назад. Конечно, как мать, она не оставила бы ребенка с одним родителем?

У меня недостаточно денег, чтобы обеспечить дочке беззаботную подростковую жизнь, а мои родители никогда не переставали злиться на меня за мой выбор – я не позволю им раздавить ее неокрепший дух. Моя подруга Элен предложила приютить ее, но это совсем не то же самое, что жить с семьей. Я не хочу умолять, но я сделаю это ради нашей дочери. Пожалуйста, поступи правильно, я знаю, ты хороший человек и ты не оставил бы своего ребенка одного в этом мире. Я не вернусь домой, поэтому, пожалуйста, напиши мне в больницу, 4 этаж, отделение Колибри.

Со всей моей любовью и нежностью, Мари

Я закрыла коробку, запихнула ее обратно под кровать и проверила, не выпало ли что-то, что могло бы выдать меня Элен. После этого я, должно быть, сразу вышла из квартиры, потому что оказалась в парке, где села на скамейку и попыталась успокоиться. Я потеряла ладони друг о друга и провела рукой по горлу, пытаясь избавиться от внезапно подступившего комка. Я узнала о своем отце больше, чем когда-либо. Узнала, что он был невероятно богат. Узнала о семье, доме и ужасной каминной полке. Он владел бизнесом, о котором я слышала, – «Дерзкая девчонка», мои одноклассницы носили одежду этой марки. Он был общественным деятелем. Мари попросила его о помощи, когда умирала (опозорив этим и меня). А он ее отверг, унизил и добил. Мне хотелось подбежать к его дому, наброситься и ударить этого подонка, выдавить ему глаза и прижать голову к отвратительному мрамор-

ному полу. Я медленно вздохнула, пытаясь сосредоточиться на качелях на детской площадке. Но ярость осталась. Теперь она не исчезнет, независимо от того, насколько спокойной я буду выглядеть. При жизни моя мать умело защищала меня от предательства, от черствой и холодной отстраненности этого человека. И я была в безопасности, когда ее тепло было рядом. Но после смерти она не могла служить щитом между мной и этой болью. Я знала, что не имела права пойти к нему домой, позвонить в дверь и потребовать заплатить за то, что он сделал. У бронзовых ворот меня бы сразу развернули. Семейка Артемис явно привыкла возводить стены и избавляться от тех, кто доставлял им неудобства, – должников, поклонников, нищих и нежеланных детей. Я поняла: мне придется подождать, пересидеть и придумать план к тому времени, когда я стану старше и смогу выйти на Саймона. Эта мысль успокаивала меня. У меня было пять лет до совершеннолетия. Пять лет, чтобы изобрести способ заставить Артемисов страдать. Я все еще ясно помню этот момент, и с тех пор часто думала об этом с улыбкой. Даже в тринадцать (хотя тогда я была слишком милой, чтобы позволить себе думать о чем-то жестоком) я утешала себя тем, что вырасту и заставлю их узнать, по-настоящему узнать, какую боль нам пришлось перенести.

Глава пятая

Мне не очень хотелось убивать Эндрю Артемиса. Конечно, так нужно было сделать. Я знала это и не колебалась, но не была готова к тому, что один из них будет таким, ну скажем так, симпатягой. Исследование, проведенное мной, было тщательным, дотошным, возможно, даже граничившим с одержимостью. И из него стало ясно, насколько эта семья морально прогнила. Это помогало мне сосредоточиться на текущей задаче, зная, что я не отнимаю у мира ничего ценного. У себя в голове я даже начала считать свое сугубо личное стремление общественным благом. Семья Артемис была воплощением ядовитого капитализма, черной дырой морали, тотемом жадности. Боже, я была так молода.

Легкость, с которой я прикончила Джереми и Кэтлин, придала мне смелости. На самом деле это просто удача – один резкий поворот колеса, и они со свистом скатились с обрыва, а на машине Амира не осталось даже царапины, чтобы вызвать подозрения. Столько всего могло пойти не так, – задумываясь об этом, каждый раз вздрагиваю. И если б что-то пошло иначе, я бы могла потерять самообладание, поменять свои планы или, что еще хуже, попасться. Но меня не поймали. В тот вечер звезды сошлись. Честно говоря, то, как быстро мои бабушка и дедушка покинули этот мир, было очень любезно с их стороны и означало, что я могу продол-

жить. Можно поблагодарить их хотя бы за что-то.

Эндрю был сыном брата Саймона Ли, и информацию на него собирать было сложно. Он не присутствовал ни на одной из гротескных семейных вечеринок с официантками в костюмах павлинов (спасибо колонкам сплетен за этот лакомый кусочек) и аккуратными дорожками кокаина на серебряных блюдах, которые носили карлики в цилиндрах. Он не был на семейной яхте этим летом, обмазанный маслом и лежащий на палубе с Бриони и ее тощими друзьями с бронзовым загаром. У него даже не было простенькой работенки в главном офисе Артемисов, высоком здании на Грейт-Портленд-стрит. Идеально серый «Бентли» простаивал снаружи, когда Саймон был там, – своеобразный флаг, сообщающий о присутствии королевы²³. Даже Тина, об Артемисах – я неохотно с ней подружилась, когда работала там (еще дойду до этого), – не смогла мне сильно помочь. Я спросила, почему его не упоминали в статье о ежегодном благотворительном бале Артемисов, а она неопределенно ответила: «Он мог пойти своим путем». Нельзя было слишком сильно давить на нее в этих вопросах. Я не стала настаивать, чтобы не привлекать никакого внимания. Мой двоюродный брат явно ее не интересовал.

Эндрю не появился на похоронах своих бабушки и дедушки (такое заманчивое событие, особенно если наблюдать с

²³ Когда монарх находится в Букингемском дворце, над крышей развевается королевский штандарт.

разумного расстояния), и стало понятно – что-то не так. Я не сдавалась. Когда не смогла его найти в «Фейсбуке»²⁴, я настроила Гугл-оповещения²⁵ о своем юном кузене и терпеливо ждала. В итоге удалось найти упоминание о нем в онлайн-газете, в статье о старикашке, наблюдающем за болотными лягушками где-то в районе топей Восточного Лондона. Я узнала все о топях и поняла: Эндрю отдалился от семьи Артемис еще больше, чем я. Это о чем-то говорило, особенно если принять во внимание, что мое существование не признавалось с самого рождения.

Эндрю не пытался сравнить с землей болота и построить фабрику, чтобы малолетние работники шили там легковоспламеняющуюся одежду из полиэстера, и он не думал сдирать шкуру с болотных лягушек на дизайнерские сумки, – его семейство наверняка бы в это вписалось, если б была прибыль. Нет, он был *волонтером*, помогал наблюдать за брачным поведением жаб, следить, что этим отвратительным существам есть где жить и размножаться. Бесплатно. Думаю, если б я не столкнула его бабушку и дедушку с той пыльной дороги в Марбелье, они покончили бы с собой, услышав, что их внук делает со своей жизнью.

Работа в компании Артемисов никак бы мне не помог-

²⁴ 21 марта 2022 г. деятельность социальных сетей Instagram и Facebook, принадлежащих компании Meta Platforms Inc., была признана Тверским судом г. Москвы экстремистской и запрещена на территории России.

²⁵ Расширение, которое помогает отслеживать изменение контента в интернете.

ла сблизиться с Эндрю. Это, наоборот, играло против меня. Из случайных вопросов, которые я задавала во время работы в главном офисе (их было удручающе мало, учитывая мою низкую должность), казалось, мой двоюродный брат несколько лет назад отрезал себя от семьи и из года в год почти не разговаривал со своими родителями. Действительно иронично, прямо как у Аланис Мориссетт²⁶ (кто вообще понимает, что такое ирония?), что я так долго пыталась пробиться во внутренний круг Артемисов, а мой кузен так решительно вырвался из него.

Но несмотря на намерения Эндрю жить другой жизнью, он был одним из них. Родня встретила бы его с распростертыми объятиями, если б ему наскучило помогать отвратительным лягушкам и облагораживать Восточный Лондон. Давайте будем реалистами – такая вероятность есть. И, что крайне важно, он все еще был возможным наследником в случае смерти остальных членов семьи (особенно если их кто-нибудь поторопит). Поэтому я сделала все необходимое: исследовала лягушек, купила безобразную ветровку и записалась на волонтерскую программу в проекте «Болото Уолтемстоу».

Как-то воскресным вечером я смотрела один из тех «основанных на реальных событиях» фильмов на Пятом канале. Речь шла об амбициозной городской женщине, которая бросила все ради простой жизни в горах с козами. Она отка-

²⁶ Отсылка к песне Ironic.

залась от своих дизайнерских сумок и (явно мужской взгляд режиссера сыграл здесь решающую роль) от своей скучной жизни. Она видела чистоту в земле, в природе, в возвращении в деревню. Она была как с обложки глянцевого журнала, одетая в безупречный комбинезон; светило солнце – и на мгновение я была соблазнена (прежде чем вспомнила о своих насущных целях по уничтожению семьи). Моя шаткая позиция заключалась в том, что проект «Болото Уолтемстоу» даже отдаленно никогда не будет напоминать нечто похожее. Никто не уходит с этого клочка земли, вдохновленный историей. Никто не усвоит урок «Любовь к себе – самая важная любовь в жизни» в сетке для волос и резиновых перчатках, которые препятствуют загрязнению неприкосновенной среды обитания лягушек.

Посвящение в волонтеры состоялось в дождливый майский день. Я ехала на поезде из Кингс-Кросс, в очках без диоптрий, удобной обуви, куртке и панамке. Я чувствовала себя совершенно невидимой. Это приводило в замешательство и в то же время интриговало. Никто не взглянул на меня, ни один мужчина не обернулся в мою сторону. Я даже захватила с собой ланчбокс – всегда думала, это тревожный звоночек для человека старше восьми лет. Согласно Гугл-картам, топи были далеко от знакомой кофейни, а я не собиралась рисковать и есть что-то бывшее в непосредственной близости от диких животных.

Центр для посетителей был мрачным местом. Этого опи-

сания уже достаточно – не представляйте себе ярко освещенный комплекс с дружелюбными вывесками или работающим туалетом. Это была хижина с крышей из гофрированного металла, а внутри висели детские плакаты с каракулями сорняков и случайных абстрактных птиц. Роджер, руководитель проекта, был там, чтобы поприветствовать только нас двоих. Я была слегка шокирована тем, что кто-то еще добровольно пришел работать на болоте, не замышляя убийство. Но вот один такой нашелся. Люси, как она представилась, – тридцатилетняя айтишница, но она всегда стремилась проводить больше времени на природе. Она выглядела как человек с дефицитом витамина D: бледное и осунувшееся лицо. Я изо всех сил старалась держать себя в руках, видя, как загораются глаза Роджера, когда он с энтузиазмом кивает в знак согласия с каждым ее словом.

– Ты пришла по адресу, Люси! – сказал он. – Возможно, мы не объект всемирного наследия ЮНЕСКО, но я всегда говорю, что эти болота – восьмое чудо света!

Он рассмеялся, и его глаза скрылись под морщинистой кожей. Я представила, как Роджер произносит эту фразу по меньшей мере раз в день, и лениво подумала, есть ли у него жена, которая бы очень хотела попросить меня и от него избавиться.

Моя ветровка была идеальной. Люси носила похожую, а Роджер, казалось, был на шаг впереди, – в водонепроницаемом комбинезоне. Вынесли термос с чаем. Роджер при-

слонился к стойке регистрации и объяснил, в чем будут заключаться наши обязанности. Несмотря на многочисленные обещания, что мы погрузимся в потрясающий мир охраны природы, наша зона ответственности – прополка. По словам Роджера, это очень важно для поддержания хрупкого экологического баланса участка. Со стойки регистрации нас повели на экскурсию по болотам, которая заняла у нас всего двадцать пять минут. Возможно, «болото», в единственном числе, было более уместно.

Это была печальная история с проблеском подлинной красоты. Одинокая цапля стояла неподалеку, мухи жужжали вокруг камышей, но помимо этого, никаких звуков дикой природы не доносилось. Толп посетителей тоже не наблюдалось. В какой-то момент Роджер пробормотал что-то о местном развлекательном центре и плохой организации финансирования, и его лицо помрачнело. Представьте, развлекательный центр – ваш заклятый враг.

Люси, казалось, искренне заинтересовалась вводной частью, задавая уточняющие вопросы о сетке и компостировании. Я молчала, кивая в такт, и все время высматривала Эндрю. Судя по нескольким фотографиям времен его молодости, он был высоким, стройным парнем с волосами песочного цвета и пугающе ровными зубами. В меру симпатичный, чтобы второй раз взглянуть на него в баре, для Лондона даже привлекательный. Но, кроме Роджера и пожилой женщины, которая собирала травы и чем-то напоминала мне героиню

«Леди в фургоне» Алана Беннетта, вокруг никого не было.

Удивительно, но Роджер не дал нам сделать ничего по-настоящему полезного в тот день, сказал, работа очень деликатная, и настоял на том, чтобы мы провели час в хижине, изучая требования охраны труда и техники безопасности. В основном там были многочисленные предупреждения о прудах, – как по мне, несколько жалких лужиц, но Роджер строго отметил, они намного глубже, чем кажется, и их реальный размер скрыт тростником. Мы должны быть очень осторожны, работая рядом с ними, так как один неверный шаг может привести к неприятностям. Даже Люси не особо поверила.

Когда вводная часть закончилась, Роджер благоговейно помолчал, глядя в небо, как будто спрашивая разрешения, прежде чем заговорить.

– А теперь... я уверен, вы ждали этого момента, – усмехнулся он. – ЛЯГУШКИ. В этой стране есть только два местных вида лягушек – обыкновенная и прудовая. Встречаются на мелководье и в садах. Но у нас здесь есть более редкий экземпляр. О да, у нас есть БОЛОТНАЯ ЛЯГУШКА, – он дождался удивленного взгласа, который Люси должным образом выразила, и продолжил: – Болотные лягушки – интересные ребята. Парень по имени Эдвард Перси Смит привез двенадцать таких из Венгрии в 1935 году. Они покинули пределы его сада и размножились. Хитрые негодники, – кивнул он, как будто у лягушек был какой-то план колонизации Британских островов.

Нас отвели на берег главного пруда и велели вести себя тихо. Роджер, должно быть, весил по меньшей мере двести фунтов²⁷ и все же двигался с ловкостью опытного взломщика.

– Главное, их не пугать, – одними губами произнес мужчина, осматриваясь вокруг.

Пока мы стояли там, я задавалась вопросом, действительно ли это был лучший подход к поиску Эндрю. Я представила себе выходные, проведенные с Роджером в молчаливом ожидании этих существ, грязь, просачивающуюся в ботинки, дождь, леденящий кости, и почувствовала себя поверженной. Но у меня не было другого выбора. Эндрю был следующим человеком в моем списке, а я не люблю отклоняться от плана, это выводит все из строя.

Примерно через пятнадцать минут неловкого молчания, пока Роджер рыскал вокруг, а Люси стояла неподвижно, разве что дрожа от предвкушения, я уловила движение. Старик махнул нам рукой и подозвал к себе. Мы на цыпочках пробрались сквозь камыши, стараясь разглядеть обещанную тварь. Судя по описанию, я примерно представляла, что мы увидим какое-то гигантское разноцветное радостно прыгающее существо с блестящей кожей. Вместо этого мы еле разглядели внизу маленькое грязно-зеленое пятнышко, его единственное украшение – несколько светло-зеленых линий на спине. Это была, пожалуй, самая переоцененная вещь на

²⁷ 200 футов – примерно 90 килограммов.

свете, – а ведь я смотрела фильм «Жизнь прекрасна», мама Джимми, Софи, заставила.

Лягушка убежала (лягушки вообще могут бегать?) в камыши, как только мы приблизились, и Роджер посмотрел на нас с глубоким разочарованием, словно мы пытались пронзить существо стрелами.

– Ну что ж, вы пока не освоили, как это делать. На следующей неделе вы, возможно, увидите спаривание! Сейчас сезон.

Решив никогда не учиться повадкам простой на вид лягушки, я последовала за Роджером и Люси обратно в центр, чтобы собрать свои вещи. Когда мы уходили, я заметила доску объявлений с фотографиями сотрудников и волонтеров и заметками, напечатанными шрифтом Comic Sans, объясняющими, кто есть кто. Я направилась напрямик туда и нашла его. Это заняло у меня минуту. Глаза искали того аккуратного принца с фотографий, но здесь у него был конский хвост и... серьга из ракушки. Даже на Камден-маркет больше не продают этот мусор для хиппи. Что же такого страшного стряслось с Эндрю, что он сделал такой жизненный выбор? И усилил свое решение туннелем во втором ухе. Деревянное ожерелье наводило на мысль, что Эндрю точно брал год «отдыха» от университета и потратил его впустую.

Я смотрела на фотографию дольше, чем стоило, а потом попыталась невзначай спросить Роджера о его коллегах.

– А вот и Линда, которую ты видела за прополкой, – он по-

низил голос, – она так одинока, бедняжка, заботится о своем муже с деменцией.

Я задумалась, приятнее ли пропалывать область обитания лягушек, и решила – да. Скорее это, чем помогать мужчине, который тебе нравился, сходить в туалет.

– Еще есть Филлис. Мы зовем ее Фил. Боевая, но хорошо ладит с посетителями школы. А вот это юный Эндрю. Занимается исследованиями дикой природы и разбирается в вопросах ее охраны. Нам повезло, что он с нами – парень получил степень по экологии в Брайтоне и грант на идентификацию новых видов в Австралии в следующем году. У них там уже двести сорок известных типов.

– Он где-то здесь? – небрежно спросила я.

– Не сегодня, он на семинаре по грибкам у всей популяции. – Должно быть, я выглядела встревоженной, потому что Роджер быстро добавил и расхохотался: – То есть у популяции ЛЯГУШЕК!

Закончив с испытательным днем, я собрала свои вещи, выразила надежду встретиться еще раз и сказала, что мне нужно спешить. Я беспокоилась, что Люси захочет пойти со мной, и боялась самой мысли о сорока пяти минутах в поезде за обсуждением событий дня с кем-то, кто так низко поставил планку для нового хобби. Но, как ни странно, она задержалась, и Роджер был в восторге, предложил ей еще одну чашку чая и спросил, что она знает о тритонах. Я понадеялась, тот не собирается начинать флиртовать с этой фразы.

Вот как это было. Каждую субботу я отправлялась служить Роджеру в его крошечное скучное королевство. Каждую субботу я вырывала сорняки, убирала дорожки и старалась не обижаться на то, что Люси близко общалась с Роджером, ухаживая за лягушками, в то время как я занималась физическим трудом. Их головы были близко друг к другу, я слышала отрывистые слова и смех, когда он показывал ей, как ловить и помечать лягушек, – зачем, я не узнаю никогда. С тех пор я узнала: болотная лягушка никоим образом не является особенной, находящейся под угрозой исчезновения или ценной. Не было никаких земноводных, которые нуждались бы в нежной заботе Роджера. Эти дворняги болотного мира чувствовали бы себя просто прекрасно и без пристального надзора пятидесятилетнего мужчины, одетого в несуразные аляповатые футболки.

Единственное, что мешало мне намеренно вышибить мозги некоторым из этих животных и навсегда покинуть центр, был Эндрю. В свою первую полноценную смену я сразу же заметила его, он расчищал тропинку к прудам, подпевая песне (что он слушал, я не поняла – на нем были большие наушники со звукоизоляцией, но скорее всего, это был регги). Я ждала неизбежного знакомства, и, конечно же, во время перерыва Роджер его представил. Пока мы здоровались, а Люси бубнила о том, как интересна эта работа, я разглядывала его. Длинные волосы, почти до плеч, были неухоженными и растрепанными. Одет Эндрю был в брюки цвета хаки и древ-

ний серый жилет, а ногти были испачканы в земле и грязи. Но выглядел он подтянутым: широкие плечи и мускулы, явно от физического труда, а не от тренировок в модном тренажерном зале. Если б он привел себя в порядок, легко бы вписался в семью Артемис. Хоть его лицо и светилось добротой, в глазах сверкали серые искорки, как у моего отца. Когда он повернулся, я увидела, что в профиль он очень похож на Джереми. Был ли Эндрю так же высокомерен? Трудно сказать.

Я поведала ему ту же расплывчатую историю, что и Роджеру с Люси. Я была Ларой, агентом по недвижимости в Северном Лондоне, только что прекратила длительные отношения со своим бойфрендом, хотела бросить себе очередной вызов, и меня очаровала охрана и восстановление окружающей среды со времен университета. Я намеренно назвала себя именем его матери, чтобы посмотреть, не нервирует ли это его, но он и глазом не моргнул. Вместо этого Эндрю нетерпеливо кивнул и сказал, что тоже заинтересовался этой темой во время учебы. Хорошее начало.

В тот первый день Эндрю был занят ремонтом покосившегося забора, странная пара Люси и Роджер занималась лягушками, а я убиралась в центре для посетителей. Просто хочу отметить, что до сих пор не видела ни одного посетителя, но Роджер воодушевленно ждал школьную экскурсию в понедельник.

– Как раз то, что нужно нашей молодежи – на свежем воз-

духе, никакой нудятины в центре досуга.

Я наблюдала, как Эндрю работал, поглощенный своим делом, без особых усилий ремонтируя забор. Если б он не был так похож на своего дедушку, я бы убедила себя, что выбрала не того человека. Он был беззаботным, простым, трудолюбивым. Спорим, никто в семье Артемис не занимался физическим трудом примерно с 1963 года, если только вы не считаете, что идти по головам ради получения желаемого – тяжелая работа.

Мне нужно было найти повод заговорить с ним, и, поскольку я не собиралась спрашивать совета, как правильно убираться на крошечной кухне, пришлось подождать, пока все прервутся на обед, и пойти со своими бутербродами к нему – он грелся под лучами весеннего солнца, закрыв глаза.

– Так приятно работать на улице, – решила я. – Я так устала от офиса, где гонишься за прибылью и нагло водишь за нос клиентов.

Ладно, это было слишком очевидно, но сработало как надо. Часто люди просто хотят, чтобы вы были зеркалом их собственного мнения. Особенно это действует на мужчин, и хотя Эндрю представлял себя просветленным борцом за природу, он все равно был уязвим.

– Боже, это так ВЕРНО сказано, – он повернулся ко мне с улыбкой. – Это место – мой храм. Мне невыносимо то, что нас, как сообщество, заманивают в корпорации какие-то толстосумы, и все ради еще большего обогащения за счет наше-

го труда.

Неплохо, значит, все будет проще, чем я думала. После пятнадцати минут беседы о капитализме и пороках империи я упомянула о «моей» семье, Латимерах. Конечно, без настоящих имен и объяснений, что Софи и Джон не были моими родителями. Просто в общих чертах поведала о либеральной семье, которая выступала против изменения климата и голосовала за лейбористов, это должно было подтолкнуть его рассказать о своих родственниках.

– Я полагаю, у тебя похожая семья? – я угостилась из его вазочки с оливками. Он слегка поерзал и почесал шею мизинцем.

– Вообще-то нет. Я сам во всем этом разобрался. Мои родители уделяли не слишком много внимания моему идеологическому воспитанию. Были заняты развлечениями и деньгами – ну, вернее сказать, покупками. Я учился в лучшей частной школе, у меня были прекрасные няни, хороший дом, думаю, какое-то время я плыл по течению – стажировался в фонде благосостояния в 16 лет, наслаждался всеми привилегиями, что были у моей семьи. Но университет изменил меня, впервые заставил увидеть истинное неравенство. Люди думают, в Брайтоне одни богачи, понимаешь? Но там учатся и совсем не обеспеченные люди, студенты... ну, они все были так увлечены и связаны с реальным миром, понимаешь? Мне стало стыдно за себя, понимаешь?

Я великодушно предположила, что его постоянное «по-

нимаешь» было чем-то вроде нервного тика, и попыталась копнуть глубже.

– Молодец, – я сжала его руку. – Требуется мужество, чтобы по-настоящему открыть свои глаза.

Ну, не совсем так, если есть многомиллионный трастовый фонд, на который можно опереться, когда надоест жить как простые люди, но он, казалось, оценил это, рассеянно потирая место, которого я только что коснулась.

С этого момента я втянулась. Потребовалось еще пару недель повыдергивать сорняки, чтобы предложить выпить после работы, и Эндрю с радостью согласился. К сожалению, Люси тоже. И, что еще хуже, Роджер. Мы оказались в унылом пабе недалеко от центра, и это, думаю, было бы неплохо, если б в недавнем прошлом его не окружала кольцевая развязка (и, давайте будем честными, если б клиентура была совершенно другой, а винная карта предлагала бы что-то кроме теплого шардоне из Австралии). Разговор шел в основном об этих проклятых лягушках, и Эндрю очень хотел рассказать нам о своей частной коллекции.

Роджер закатил глаза.

– Этот парень считает, здешние недостаточно интересны, да, приятель? Всегда ищет что-то более... экзотическое, – он сказал это так, как будто иностранная лягушка была опасна и отвлекала Эндрю от достойных трудолюбивых типов, обитающих на болотах.

Роджер определенно проголосовал за выход из ЕС. Я

изобразила интерес, призывая кузена рассказать больше, в то время как Роджер повернулся к Люси и попытался начать с ней разговор на тему верхнего слоя почвы. Эндрю понизил голос и слегка наклонил голову в мою сторону.

– Центр – прекрасное место, и у Роджера добрые намерения. Но он прав, меня *интересуют* более «экзотические» виды. Это может звучать безумно... – он замолчал, тогда я с интересом посмотрела на него, – но я изучал, как лягушки справляются с депрессией. Вы слышали о камбо?

Нет, Эндрю, конечно, я ни хрена не слышала. Нормальные люди не думают о лягушках и депрессии. Нормальные люди не проводят свои дни в грязных болотах у двухполосной дороги, ожидая посетителей, которые никогда не придут. С другой стороны, нормальные люди не пытаются уничтожить всю свою семью, так что мне действительно следует научиться меньше осуждать и больше слушать. Я широко раскрыла глаза.

– Это секрция одного из видов лягушек, и существует множество исследований о том, как она помогает вылечить депрессию и зависимость. Мы все так полагаемся на западную медицину, навязанную нам крупными фармацевтическими компаниями, но становится все более очевидным, что природа предлагает нам лучшие способы решения проблем. Камбо... – он сделал паузу, – сотворило чудеса со столькими людьми.

Эндрю взглянул на Роджера, чтобы убедиться, что тот не

слушает, и снова повернулся ко мне:

– Вот почему у меня дома есть эти лягушки. Я пытаюсь усовершенствовать дозировку. Немного переборщишь, и тебя тут же вырвет. Это сложный процесс. И я выращиваю их, чтобы увеличить свои запасы и помочь людям.

Мне уже не нужно было притворяться заинтересованной. Какой странный путь выбрал Эндрю, накачав себя лягушачьим соком. Наверняка существует хороший психотерапевт с Харли-стрит, который мог бы справиться с его проблемами менее безумным способом? С другой стороны, богатые детки всегда пытались проложить свой собственный путь, лишённые острых ощущений и воспитанные в тепличных условиях, в которых усердие кажется бесполезным. Некоторые становятся промоутерами в клубах. Кто-то – художником с пристрастием к травке. Чем тогда плох торговец лягушками?

Я засыпала его вопросами и сказала, что считаю его отважным. Мне не стыдно, что я поведала о своей борьбе с депрессией и показала себя уязвимой. Не имело значения, ведь все это было ерундой и, несмотря на вескую причину испытывать глубокую скорбь, мне посчастливилось ее избежать. Мужчинам нравится, когда женщины уязвимы. Им нравится ощущать, что нам нужна помощь, как бы уверенно мы ни выглядели.

К тому времени, как мы вышли из паба, я почувствовала – он уже на крючке. И все же мои плечи были напряжены, а руки сжаты в кулаки по дороге на станцию. Он был хоро-

шим человеком, хоть и бестолковым. У меня не было жжения в горле, когда я думала о нем, хотя оно появлялось раньше, если я представляла его похожим на моего отца или деда. И этот постоянно подогреваемый гнев, от которого мои уши будто пылали, – вот что помогло легко убить Джереми и Кэтлин. Вот что сделало это забавным. Я не испытывала этого едкого ощущения вот уже несколько недель. Как наслаждаться новым приключением, если невозможно разозлить себя?

К следующей смене мы обменялись номерами (один из рисков с одноразовым телефоном – никогда не знаешь свой собственный номер наизусть) и в течение недели переписывались друг с другом, делясь ссылками на разные исследовательские работы. Я не читала ничего, но было легко отреагировать правильно, быстро просмотрев заключение. Боже, благослови этих бесполезных ученых, которые годами занимаются отупляющими никому не интересными исследованиями, но любезно оставляют небольшую сноску, суммирующую все за пару минут. Переписка выглядела как флирт, но скорее всего, Эндрю просто нравились люди, проявляющие интерес к его специфическому хобби с земноводными и галлюциногенами. Иначе все, что я воспринимала как простенькое поймай-убей, превратилось бы в кошмар.

Прошло четыре недели, и мы стали хорошими друзьями. Я знала, где он жил (в Тоттенхэме, в общежитии с четырьмя другими парнями, все доктора наук), какой у него был лю-

бимый роман (что-то Уильяма Бойда, но я забыла), и что он был строгим веганом. Мы начали ходить в унылый паб после работы по субботам, где сильно напивались, и я шутила о Роджере, пока Эндрю меня не останавливал. К этому времени я уже точно знала, как убью его. Как и в случае с бабушкой и дедушкой, план не был конкретным и мог сорваться, но после первой удачи я была уверена в себе, а Эндрю мне полностью доверял. Как-то в субботу я решила вернуться в центр и взять с собой бутылку вина. Стояла тихая ночь, и на небе сияли звезды, что было редкостью в этом окутанном смогом городе. Эндрю согласился выпить, но немножко волновался.

– Роджер сошел бы с ума, – засмеялся он, – но думаю, ничего плохого не случится.

Не такой уж и нарушитель мой кузен, несмотря на его столь хваленые радикальные убеждения. Хоть на это как-то повлияли четырнадцать лет обучения в частной школе. Родители не раскошеливаются на двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов в надежде, что их ребенок умышленно нарушает негласные правила британского общества.

Охрана в болотном центре была... никакой. Не было ни видеонаблюдения (что бы вы украли? Несколько рыбешек?), ни колючей проволоки. Эндрю просто воспользовался своим ключом, и мы вошли. Спустились к главному пруду и сели на небольшой участок настила, который установил Роджер, чтобы ему было легче наблюдать за лягушками. Я открыла

бутылку вина и отпила из нее. Когда мы передавали ее друг другу, я подняла тему, волновавшую меня уже давно.

– Можно я попробую то лекарство из лягушек, Эндрю? Ты так много говорил о нем, и все это звучит как приключение, которое бы я не позволила себе пропустить.

Наступила тишина, и я услышала, как он быстро вздохнул.

– Не думаю, Лара. Я не эксперт и все еще пытаюсь усовершенствовать дозировку. На прошлой неделе я принял слишком много и отключился на пятнадцать минут. Она примерная – не хочу использовать тебя в качестве подопытного кролика.

– Понимаю, – кивнула я. – Ни в коем случае не хочу на тебя давить. Просто подумала, это немного поможет мне справиться с паническими атаками... – я замолчала, надеясь извлечь выгоду из его врожденной британской неловкости. Он снова вздохнул.

– Не знал, что у тебя бывают приступы паники. У меня тоже случаются, еще с детства. Я часто говорил маме, что не могу дышать, но не мог это нормально объяснить. Недавно они вернулись и стали сильнее, – он посмотрел на меня с пониманием и неуклюже потер мой большой палец.

– Что случилось? – спросила я, глядя на него с подходящим градусом беспокойства: мужчинам нравится, когда на них пристально смотрят, это демонстрирует вашу увлеченность их словами.

– Мои бабушка и дедушка попали в аварию... – Эндрю

закрыв глаза и отпустил мою руку.

Я не стала его удерживать, вместо этого снова взяла вино и окунула пальцы в пруд.

– А насколько тут глубоко? Роджер ведет себя так, будто здесь может прятаться Лох-Несское чудовище.

Эндрю рассмеялся и откинул волосы с лица, отчего отвратительная серьга с ракушкой звякнула. Напряжение рассеялось.

– Это место – вся его жизнь. Ему просто нравится воображать, что все здесь больше и страшнее, чем на самом деле. Пруды не очень глубокие, хотя этот я переходил вброд и удивился, что в середине уровень воды доходит примерно до талии. Ты же не хочешь, чтобы Роджер тебя поймал? Подумай о лягушках, Лара, – сказал он притворно возмущенным тоном.

Мы допили бутылку, и я решила вызвать такси. Эндрю помог мне подняться – я была пьянее, чем думала, – и мы, спотыкаясь, вернулись к главным воротам, хихикая и шикая друг на друга. Я предложила подвезти его домой, но он сказал, что хочет подышать свежим воздухом, и я прыгнула в «Тойоту Приус». Водитель слушал странное попурри из акустических мелодий. За несколько минут до того, как мы подъехали к моей квартире, я почувствовала вибрацию мобильного. Неуклюже разблокировала телефон и посмотрела на эсэмэску.

Ок, давай сделаем это. В следующую субботу, после

*работы. Принеси вино – я думаю, розовое будет кста-
ти. Но это СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. Никто не дол-
жен знать.*

Несмотря на ужасную кавер-версию *All That Jazz*, которая звучала в машине, я смогла улыбнуться. Попался.

* * *

Следующая неделя была тяжелой. Я не могла спать, рабо-
тать, делать что угодно, кроме как думать о субботе. Помню,
когда мне было семнадцать, нас с Джимми пригласили на ве-
черинку по случаю дня рождения одноклассника в ночном
клубе в Финсбери-Парке. Элитно! Мы потратили кучу вре-
мени на подделку удостоверений и выбор нарядов. Придума-
ли красноречивую ложь для Софи и отрепетировали все до
мельчайших деталей, чтобы нас не застукали, как это быва-
ет с тупыми подростками. Вся ответственность была на мне,
Джим прокололся бы в одно мгновение. Выражение лица вы-
дает его постоянно. К понедельнику мы были так взвинче-
ны от предвкушения, что я не могла заснуть. У меня внутри
все трепетало, адреналин разливался по телу, и я вертелась
с одного бока на другой, переживая о том, сработает ли наш
план – доберемся ли мы до клуба и проведем ли ночь так, как
задумали. Это было убого. Мы смогли это проверить, все
прошло как по маслу, но вечеринка была огромным разоча-
рованием, и мы застряли под ледяным ливнем в ожидании

автобуса в час ночи. Джимми силился сдержать тошноту, а я старалась отдалиться на случай, если у него не получится. И из-за этого никчемного события я так переживала? Сейчас похожее чувство, за исключением того, что ставки намного выше и я больше не езжу на ночных автобусах.

Подготовка к субботе заключалась не столько в том, какое платье надеть, сколько в покупке бутылки вина с закручивающейся крышкой и пары резиновых перчаток. В понедельник у меня было и то и другое. Следующие пять дней у меня дрожали ноги и путались мысли, в которых то и дело появлялся улыбающийся Эндрю. Честно говоря, не помню, чтобы Патрика Бейтмана²⁸ изводило чувство вины за аморальные поступки. Осуществить этот план с поистине холодной головой оказалось гораздо труднее, чем я думала.

Тем не менее наступила суббота, и вместо того, чтобы сесть на поезд до центра, как обычно, иду всю дорогу пешком, надеясь успокоить себя ритмом своего шага. И это правда работает: в центр прихожу с улыбкой и готовностью красть дверь общего туалета, как велел Роджер. Эндрю опаздывает, и через тридцать напряженных минут я начинаю беспокоиться, что он не появится вовсе. Но все же он приходит – волосы стянуты повязкой из старой футболки, на нем пара лоскутных шорт, которые слишком похожи на пижамные штаны. *У его отца был счет у портного на Джер-*

²⁸ Патрик Бейтман – главный герой романа «Американский психопат» Брета Истона Эллиса и одноименного фильма.

мин-стрип, думаю, морщась. Какая беспечная растрата. Машу ему рукой, но не прекращаю красить дверь. Не нужно быть слишком нетерпеливой, особенно если он чувствует себя неловко из-за предстоящего события. День становится все жарче. Роджер, Люси и пожилая леди, которая спасается от своего дряхлого полуживого мужа, сидят в столь же дряхлых шезлонгах рядом с туристическим центром и пишут названия растений на палочках, которые нужно воткнуть в землю, – будто растения что-то значат для Национального фонда. Слава богу, есть солнце. Дождь наверняка загнал бы нас внутрь, и задуманный мной план рухнул бы.

Вряд ли я когда-либо работала так усердно, как сегодня. Два слоя водостойкой краски и полная очистка внутренних стен в придачу. Оказывается, ничто так не повышает производительность, как запланированное убийство. В пять часов вечера Роджер заваривает чай, мы все складываем инструменты и идем на веранду. На самом деле это приятно. Как будто я часть чего-то. Чего-то обыденного и совершенно бессмысленного, но это не кажется пустяком, если ты никогда не испытывал ничего подобного.

Бывало, в некоторых ситуациях я задумывалась, не посылает ли мне Бог знаки, чтобы я сошла с этого пути и начала нормальную жизнь. Но каждый раз я вспоминала, что не верю в Бога. А даже если он есть... то сам обрек меня на такое существование.

Мы отправляемся в паб в шесть вечера, Роджер и Люси

следуют за нами по пятам. Люси действительно изменилась за то время, что мы были в центре. Образ слегка нервного кролика испарился. Сегодня на ней бандана и комбинезон, лицо загорело от работы на свежем воздухе. Может, Роджер для нее просто наставник? Я так и не поняла. Учитывая альтернативный вариант, горячо надеюсь на это.

В пабе довольно тихо, занято всего несколько столиков. Одинокий молодой человек, потягивающий пинту наедине с книгой, выглядит немного неуместно – это совсем не то заведение, где нужно искать уединения. Мы с Эндрю осушаем бутылку отвратительного белого, в то время как Люси и Роджер потягивают шампанское. Разговоры натянутые. Наша компания выглядит неестественно, особенно сейчас, когда мы считаем секунды, как парочка, которой не терпится свалить и оказаться в постели. Заказываю еще одну бутылку и говорю, что мне нужно выпить для храбрости перед предстоящим свиданием. Роджера это забавляет, он просит «заставить парня платить» и дает советы, как завязать разговор. Один из них, я не обманываю, состоит в том, чтобы спросить, какая настольная игра, по его мнению, лучшая.

– Моя любимая... и очень противоречивая... «Монополия!» – никто не спрашивает, почему она противоречивая, и его разочарованный взгляд – сам по себе награда.

Эндрю начинает постукивать ногами, и я беспокоюсь, как бы он не отступил, если мы задержимся здесь надолго. Поэтому решаю взять быка за рога. Допив бокал, встаю и луче-

зарно улыбаюсь.

– Что ж, пожелайте мне удачи. Мне нужно быть в Эндже-ле в половине девятого, будем надеяться, он того стоит. – Я перекидываю сумку через плечо и радостно хлопаю Эндрю по спине. Роджер поднимает свой бокал за меня, Люси нерешительно машет рукой. Выйдя из паба, сворачиваю с главной дороги и возвращаюсь в центр. Решаю не писать Эндрю, позволяя ему взять бразды правления в свои руки. Вместо этого сижу на обочине и пью вино из фляжки, которую захватила с собой.

У меня нет привычки пить из емкостей, которые так откровенно взывают о помощи, но мое вино должно быть отдельно. То, что у меня припасено для Эндрю, смешано с водкой, а мне нужно сохранить ясность ума. Теперь вы понимаете, почему мне нужна бутылка с завинчивающейся крышкой, – чтобы не возиться с пробкой. Третью содержимого я вылила в свою фляжку, а остальное разбавила лучшей водкой, которую смогла найти. Не то чтобы у него завтра будет похмелье, мне просто захотелось его уважить и не подсовывать водку уровня моющего средства. Прощальная трапеза, и все на этом. Хотя, по-видимому, в Америке больше не дают такого права. Один парень заказал еды на сотни фунтов, а потом отказался есть. Охранники были так взбешены этим проявлением независимости, что теперь никто не сможет получить последнего удовольствия. Сокамерники проклянут его, но я восхищаюсь решимостью этого человека разозлить

всех до единого.

Выпив примерно половину, вижу шатающуюся фигуру. Некоторые мужчины выглядят такими растрепанными, что кажется, словно их нарисовал ребенок. Эндрю – как раз такой человек. Все сомнения развеяли волосы – по ним сразу понятно, кто ко мне приближается. Легкое покачивание выдает допитую вторую бутылку вина. Я встаю и смеюсь, махая ему свободной рукой.

– Пошла ты на хрен, за то, что бросила меня там, – он легонько хлопает меня по плечу. – Роджер талдычил о расписании утилизации отходов, и Люси никак не пыталась его остановить. Она, кажется, считает это очаровательным?

Кузен бросает рюкзак и нащупывает ключи. Как только мы входим, он кладет сумку на большой стол, а я направляюсь на кухню за кружками. Он не должен узнать, что мы будем пить разное вино. Когда я нахожу посуду, Эндрю уже устраивается на улице. С долей веселья замечаю, что на нем, кажется, резиновые перчатки. Получается, сегодня вечером мы оба принимаем меры предосторожности.

– Я дам раствор из пипетки, хорошо? Не думал, что тебе на самом деле захочется лизнуть лягушку, – Эндрю смеется, но я вижу, как он встревожен.

– Не волнуйся об этом сейчас, отложи ее и давай выпьем. Мы можем заняться этим позже, – говорю с улыбкой, протягивая ему кружку с надписью «Лягушатник!» сбоку.

Он с благодарностью берет ее и делает большой глоток.

Напрягаюсь, гадая, заметит ли он необычную крепость, но тот просто пьет и садится рядом. Пока Эндрю дозирует лягушачий сок, мы говорим о полевых работах и местах, куда он хочет поехать после Австралии. Решив, что мне нечего терять, я спрашиваю, поддерживают ли родители его амбиции.

– Мы не общаемся, – прямо говорит он. – Уже несколько лет. Это к лучшему – у меня очень токсичная семья.

– Что случилось? – глажу его руку.

– О, ничего. Хотя, все. Я просто родился не в той семье. Я часто шутил, что меня подменили, а настоящий сын моих предков колесит на «Бентли» по какому-нибудь пляжу. Они не плохие люди... Ну, мама не такая. На самом деле она прелестна. Но все ожидания, которые они возлагали на меня, были сосредоточены вокруг денег и бизнеса моего дяди, и это просто ужасно. Я поддерживал связь некоторое время после заявления, что не буду работать на семью, но это стало слишком сложно. Они настаивали, говорили, что я принимаю глупое решение и веду себя как избалованный ребенок.

Эндрю отпивает еще вина. Все должны пить вино из кружек – так и правда можно перебраться.

Кузен открывается мне, когда расслабляется. Пока я доливаю ему вино с водкой, он объясняет, как его отец завидовал старшему брату, как пренебрегал эмоциями матери, а его сестра умерла в возрасте девяти месяцев, из-за чего он всегда чувствовал, что должен жить за двоих. Я притворяюсь молчаливой, но отзывчивой подругой, в то же время мыс-

ленно благодарю вселенную за то, что мне приходится иметь дело только с одним двоюродным братом.

Я пью воду, но Эндрю ничего не замечает. Он слишком далеко зашел в своей исповеди, думая, что может доверить мне свои самые сокровенные и запутанные мысли. Психотерапевты достойны каждого пенни. Не хочу торопить его, но разговор про семью недостаточно подробный, чтобы как-то помочь мне, и на все мои прямые вопросы я получаю невнятные и расплывчатые ответы. Время для лягушачьей слизи, пока он не напился до потери сознания, – не хочу ждать неделю. Еще один вечер в пабе с Роджером я не переживу.

Слава богу, вбитая в частной школе вежливость не исчезает с повышением градуса, и когда я напоминаю Эндрю о первоначальном плане, он во всеоружии. Достает заранее подготовленные пипетки и объясняет, что ему придется оставить небольшой ожог на моей коже, чтобы сыворотка легче проникла в организм.

– Где ты хочешь прижечь? – спрашивает он. – Большинство людей выбирают место, которое легко скрыть.

Я останавливаюсь на ступне: их не забудешь прикрыть, поэтому не придется объяснять происхождение шрама. Снимаю кроссовки, стягиваю носки и осматриваю веранду, убеждаясь, что вокруг не валяется ничего из моих вещей. У меня не будет времени, чтобы остаться после того, как мы закончим. После убийства. Бутылка из-под розового вина пуста, и я кладу ее рядом со своей сумкой, засовываю кружку

в боковой карман, чтобы отнести на кухню.

– Ты должен сделать это со мной, Эндрю, – напоминаю ему. – Одной мне страшно. Мы сделаем это вместе. Одновременно.

Он тычет пальцем мне в лицо и улыбается, заправляя волосы за ухо.

– Не волнуйся, Лара, я привык. Я с тобой в этом путешествии.

ТЬфу. Путешествие. Это никакое не путешествие, если вы не направляетесь из пункта А в пункт Б. Хотя сегодня ему есть куда направляться, если вы меня понимаете.

Он выбирает место на руке, под татуировкой ловца снов. Хоть не китайский иероглиф. Спички готовы, он зажигает две и прижимает к моей левой стопе. Горячо, но не больно – определенно признак того, что мне нужен хороший педикюр. Затем кузен наносит раствор.

– Ложись, – командует Эндрю. – Подожди несколько минут и подыши.

Я смотрю в ночное небо, краем глаза наблюдая, как он обжигает собственную кожу. Слышу, как мужчина выдыхает и ложится рядом со мной.

– Если затошнит, просто скажи мне, и я тебя переверну. Хорошо, что здесь есть озеро.

Он смеется, кажется, целую вечность, прежде чем замолчать. Мы остаемся там, в темноте, и ждем. Я не знаю, как долго мы так лежим. Чувствую, как по мне разливается теп-

ло, ощущение комфорта просачивается сквозь мое тело, как если бы все вокруг объяло меня. Я парю на крыльях ветра.

– Я чувствую, – шепчу и поворачиваюсь к нему. Эндрю тихо стонет, закрыв глаза. Мне нельзя терять рассудок. Не хочу прерывать связь с окружающим миром. Постоянные голоса в моей голове замолкают, и слышно только биение сердца. Интересно, Эндрю тоже это слышит? Медленно и ровно. Пульсация под кожей. Чувствую, как лапа животного касается моих пальцев, и смотрю вниз. Это его рука, наши пальцы переплетаются. Солидарность. Своего рода родство. И это приятно.

НЕТ.

Я переворачиваюсь и использую силу наших рук, чтобы столкнуть его в воду. Его тело расслабилось и обмякло, мне даже не пришлось прикладывать какие-либо усилия, – это очень кстати, потому что у меня чертовски кружится голова. Во время падения тело разворачивается, наши взгляды встречаются, и он на секунду приходит в себя: его лицо искажилось от удивления, а рот широко открылся, как будто он собирался закричать. Но этого недостаточно. Вино и лягушачий яд сделали свое дело, и Эндрю падает в пруд. Опустив ногу в воду, я начинаю давить на его голову. Мои ногти блестят в лунном свете.

Эндрю вздрагивает – всего на мгновение – и обмякает. Вода успокаивается. Не знаю, сколько времени это занимает, я будто наблюдаю издалека. Склонившись, проверяю те-

ло на признаки жизни. Вероятно, не рекомендуется совершать убийство, находясь под воздействием непроверенного препарата из земноводных, это небрежно. Но хочешь жить – умей вертеться.

Убедившись, что он не собирается выпрыгивать из воды, как это принято в большинстве фильмов ужасов, наклоняюсь к пруду и провожу рукой по его шее. Я умываюсь, встаю и надеваю туфли. Полотенцем вытираю веранду, не трогая бутылку и один флакон с препаратом. Остальной мусор отправляется в пластиковый пакет. Из его телефона удаляю наши последние сообщения (даже у хиппи есть айфоны; и этот хиппи поставил на пароль свою дату рождения). Я была осторожна, не говорила ничего конкретного в переписке, но он упомянул о встрече, а мне не нужны лишние вопросы. Осматриваю место преступления, используя фонарик на телефоне, пока Эндрю плавает позади меня. Все выглядит как надо, я довольна. Это был несчастный случай. Трагично, но без каких-либо подозрений. Идеально.

Отношу свою кружку на кухню, ополаскиваю, вытираю и ставлю в шкаф. Натянув капюшон на голову, выскальзываю из центра и иду к главной дороге, где меня ждет такси. Там я на секунду торможу – кажется, будто за мной кто-то идет. Но это все лягушачий препарат, так что я отмахиваюсь от этого чувства.

Машина сначала петляет по тихим закоулкам, а потом выезжает на главные улицы, где полно ночных тусовщиков. Си-

луэты кружатся и расплываются по мере того, как мы едем. Всю обратную дорогу смотрю в окно и глубоко дышу, чтобы успокоиться. Перебираю бусины ожерелья Эндрю – я его сняла уже после убийства. Еще один сувенир. На самом деле это было притворство, что-то из фильмов о серийниках. Но они были одинокими мужчинами, делавшими это ради сексуального удовлетворения, а у меня цель совсем другая. И она уж точно не доведет меня до шоу про самых привлекательных преступников на Пятом канале.

Выхожу из такси в добрых десяти минутах езды от своей квартиры и бросаю сумку с полотенцами и перчатками в мусорное ведро. Замерев, на секунду задерживаю дыхание и чувствую, как мне не хватает воздуха в легких. Я позволяю себе погрузиться по дороге домой. Почти девять минут слезы текли по лицу, и чувство сожаления съедало меня изнутри. Поворачивая ключ в двери, я протираю глаза рукавом и качаю головой. Хватит. После бокала вина и двух серий ситкома чувствую, как действие препарата ослабло, и я могу уснуть.

Сожаление проходит на удивление быстро, и перед сном я даже не думаю о милом кузене, который сейчас плавает лицом вниз в грязном пруду. Когда я заправляю нижнюю часть одеяла под ноги и кладу подушку под одно бедро, чтобы устроиться поудобнее, моя предпоследняя мысль – нужно хорошенько позавтракать. А уже засыпая, думаю, не сходить ли потом на педикюр, просто чтобы избавиться от следов ля-

гушачьего яда. Забота о себе – это новый потребительский тренд, преподносимый женщинам в феминистской обертке. Но это совсем не плохо. В конце концов, очень важно привести себя в порядок после тяжелой рабочей недели.

Глава шестая

Худшее в тюрьме – это не часы ожидания в камере, не еда, не меры жесткой экономии и приватизация, которые привели к тому, что некомпетентных дураков в дешевой униформе назначили ответственными за опасных преступников. Это не старые, промозглые здания, где крыс столько же, сколько в Маршалси²⁹. Честно говоря, я могла бы вынести все это с надеждой, что однажды буду свободна и мне никогда не придется спать под женщиной, которая рисует сердечки вместо точек над буквой «i». Худшее в тюрьме – когда губернатор или политик принимает решение, что нам, заключенным, нужно духовно обогатиться, стать лучше, перестать быть такими грубыми и пугающими. Из этой внезапной мысли рождается план. Обычно он включает в себя какого-нибудь левого болвана (консерватор никогда не придет показывать, как лепка из глины может подавить вспышки гнева), добровольно вызвавшегося провести урок (который всегда обязателен к посещению), где нам предлагают изобразить наши чувства или тому подобную ерунду.

Они неизменно приходят только на одно занятие, а затем либо слишком перегружены, чтобы вернуться, либо чувствуют, что сделали достаточно для поддержания добродетельно-

²⁹ *Маршалси* – тюрьма на южном берегу реки Темзы в Саутверке, построенная в XIV веке.

го образа до конца года. Если они действительно предприимчивы, то пишут статью для «Гардиан» о том, как заключенные нуждаются в уважении и образовании, будто они проработали в тюрьмах четыре года, а не часок в спокойный рабочий день.

Сегодня мы все отправились в крыло учебного класса, где целый час учились изготавливать ложки. Даже одно убийство не заслуживает такого наказания. Единственной изюминкой было то, что я впервые за долгое время получила в руки настоящий нож. Жаль только, они внимательно их пересчитывают. Келли невероятно завидует, что мне удалось попасть на занятие, и восхищается деревянной ложкой, которую я смастерила. Ей бы очень понравился сегодняшний урок, сказала она, когда мы столкнулись.

– А ложку можно подарить твоей маме на Рождество, она будет в восторге, – продолжает Келли.

Я тупо смотрю на нее, гадая, сколько времени ей потребуется, чтобы вспомнить, что моя мать мертва, но озарение так и не приходит. Поэтому вместо этого я бросаю ей ложку, прошу сделать вид, будто это ее поделка, и советую отдать ее матери. Она в восторге, и я уже не в первый раз задаюсь вопросом, что за женщина мать Келли. Чтобы радоваться корявой ложке, сделанной в тюрьме взрослой дочерью-заключенной, должны быть какие-то невероятно низкие ожидания. Эта ложка пополнит коллекцию из вышитой крестиком птицы, которую она получила на Пасху, и убогой са-

харницы, сделанной из чего-то похожего на пластилин и подаренной на день рождения. Единственное отличие ложки в том, что на ней есть особые символы, похожие на иероглифы. На самом деле это инициалы каждого человека, которого я убила, хотя никто не стал бы так внимательно приглядываться. Не особенно оригинально, но я закончила строгать намного раньше других недоумков и не хотела терять время. Интересно, оценит ли их мама Келли?

Вернувшись в свою камеру, достаю бумагу и ручку из пары свернутых носков. Никакого уединения, особенно с такой сокамерницей, как у меня. Каждый здесь пытается завладеть чужим имуществом, узнать истории и использовать секреты в качестве рычага давления. Келли даже не потрудилась спрятать свой дневник – эта женщина рассказала бы вам все о своей жизни, если вы настолько глупы или настолько зашкучали, что решили спросить. Как только вы зададите Келли вопрос, скорее всего, никогда больше не совершите подобную ошибку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.